

А. М. ЛАЗАРЕВСКИЙ.

Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера о мало- русскомъ дворянствѣ и о статutowыхъ судахъ.

(Рецензія на соч. Д. П. Миллера: *Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи*. 1) *Суды земскіе, городскіе и подкоморскіе въ XVIII в.* Харьковъ, 1896, in 8°, 188 стр. 2) *Превращеніе казацкой старшины въ дворянство*. Кіевъ, 1897, in 8°, 133 стр.

Любопытнѣйшій историческій моментъ пережила лѣвобережная Малороссія въ половинѣ XVII вѣка, когда послѣ присоединенія къ русскому царству она должна была тогда же создать себѣ тѣ или другія формы гражданской жизни, такъ какъ въ моментъ этого присоединенія Малороссія представляла изъ себя область, въ которой устроено было одно только войско. Народъ этой области состоялъ изъ двухъ сословій: казаковъ и посполитыхъ; первые несли военную службу, а другіе — земскую. Правящій классъ народа формировался изъ военноподчиненныхъ; духовенство также не было обособлено и пополнялось грамотнымъ людемъ изъ казачества и посполства. Не было здѣсь въ данный моментъ и суда; по крайней мѣрѣ не было его въ какой-либо определенной и обособленной формѣ. Въ случаѣ нужды судъ давали тѣ же военноподчиненные.

Первый пунктъ Переяславскихъ «статей» гласилъ, что присоединенной къ русскому царству области подтверждаются «права и вольности войсковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ Войскѣ Запорожскомъ». О какихъ правахъ и вольностяхъ шла рѣчь и о какомъ «Войскѣ Запорожскомъ» при этомъ говорилось? Определеннаго отвѣта на этотъ вопросъ, конечно, не могли дать тогдашніе представители присоединяемой области. Этимъ пунктомъ, главнымъ образомъ, обезпечивалось невмѣшательство во внутренніе областные порядки царскихъ чиновниковъ: «чтобы ни воевода, ни бояринъ, ни стольникъ въ суды войсковыя не вступались». Почти всѣ формы гражданской жизни въ лѣвобережной Малороссіи приходилось устанавливать, такъ какъ ихъ здѣсь въ этотъ моментъ не было. Установленіе этихъ формъ и затѣмъ ихъ дальнѣйшее развитіе, продолжавшееся сто двадцать восемь лѣтъ (1654—1782), и составляетъ исторію юридическаго быта лѣвобережной Малороссіи. Изученіе этого быта стало при-

носить плоды, когда его изыскатели обратились къ пересмотру мѣстныхъ архивовъ, какъ официальныхъ, такъ и частныхъ. Прошло уже нѣсколько десятилѣтій послѣ того, какъ приступлено было къ такому изученію бытовой исторіи Малороссіи, и его плодомъ стали появляться изслѣдованія по тому или другому вопросу этой исторіи. Путемъ такихъ изслѣдованій освѣщены многія бытовые стороны изъ жизни старой Малороссіи, дающія право послѣдней занять извѣстное мѣсто въ исторіи культуры русскаго народа. Къ такого рода изслѣдованіямъ принадлежатъ и напечатанные въ 1896 и 1897 годахъ историко-юридическіе очерки старой Малороссіи г. Миллера.

Д. П. Миллеръ сталъ въ ряды изыскателей малорусской старины очень недавно. Сколько намъ извѣстно, первый печатный его очеркъ по исторіи Малороссіи былъ «Голштинскіе наборы въ Малороссіи»¹⁾, а затѣмъ появились названные нами «Очерки», заключающіе въ себѣ двѣ отдѣльныя работы: одна представляетъ исторію судебныхъ мѣстъ, учреждений, на основаніи литовскаго статута, по гетманскому универсалу 1763 года, а другая—исторію малорусскаго дворянства или, какъ говорить авторъ, исторію «превращенія казачьей старшины въ дворянство». Обѣ эти работы, мало связанныя между собою названіями, тѣмъ не менѣе близко касаются одна другой, такъ какъ судебная реформа 1763 года явилась плодомъ той культуры, которой достигла въ продолженіе столѣтней жизни (1654—1763) «казацкая старшина», превратившаяся затѣмъ въ «дворянство». Самъ авторъ не говоритъ объ этой внутренней связи напечатанныхъ имъ двухъ очерковъ, но слѣдуетъ думать, что эта связь и вызвала почти одновременное появленіе ихъ въ печати. Тѣмъ болѣе удачнымъ является поэтому выборъ г. Миллеромъ настоящихъ его темъ въ ряду изслѣдованій юридическаго быта старой Малороссіи. И исторія малорусскаго дворянства показываетъ, что польское вліяніе на общественный бытъ Южной Руси оставило такіе слѣды, которые не исчезли и за столѣтнюю жизнь гетманщины при полномъ, казалось бы, отрицаніи со стороны народа прежнихъ порядковъ. Случилось такъ, что въ моментъ появленія тенденціи у малорусской интеллигенціи къ установленію по лѣвому берегу Днѣпра тѣхъ шляхетскихъ порядковъ, которые когда-то цвѣли въ правобережной Малороссіи, явились: сначала, учрежденіе комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, а потомъ—изданіе дворянской грамоты. Оба эти факта дали возможность малорусской интеллигенціи, она же и казацкая старшина, юридически осуществить свои шляхетскіе идеалы въ формѣ русскаго дворянства. Разскажемъ о томъ, какъ происходило это осуществленіе, мы и находимъ въ очеркѣ «Преображеніе казачьей старшины въ дворянство», разсмотрѣніемъ котораго и начнемъ наши замѣчанія.

¹⁾ Киевск. Стар. 1892 г., № 9, стр. 293—312.

Превращение казацкой старшины в дворянство.

Литература по истории малорусского дворянства не велика, но тем не менее она уже есть. Первое место здесь занимает «Записка о дворянском сословии Черниговской губернии», написанная в конце тридцатых годов бывшим Черниговским губернским предводителем дворянства А. М. Марковичем¹⁾. Этот первый опыт истории малорусского дворянства замечателен тем, что автор его приступил к своей работе после добросовестного изучения архивных материалов тогда, когда к последним исследователи обращались еще очень редко. Недавно был напечатан биографический очерк автора «Записки»²⁾, причем подробно была рассмотрена и последняя. Там сказано, что автор «Записки» желал установить преемственную связь явившегося после издания грамоты 1785 года в Малороссии дворянства с тою шляхтою, которую застала в Малороссии революция Хмельницкого. «Почти все дворянские роды Черниговской губернии, говорит Маркович, ведут свое начало или со времени присоединения Малороссии к Польше, или со времени возвращения первой к России, а это еще не доказывает, чтобы некоторые из них не были древние. Доказательством, что некоторые дворянские роды, ныне существующие, ведут свое начало от времен предшествовавших завоеванию (Южной Руси Польшею?), служат находящиеся при делах (хотя и немногих) подтвердительные на имения польские акты, в которых говорится, что при отдачи или размежевании тех имений владельцы представляли польским комиссарам грамоты от великих князей русских, предкам на их добра наданные. При разбор прав на дворянство были представляемы и другие свидетельства о древности происхождения, но *строгая историческая критика не может признать их основательными*»³⁾. «В воинской республике, какою сделалась Малороссия (после революции Хмельницкого), естественно, что военное звание взяло верх над другими и что при производстве в старшины не столько смотрели на происхождение, сколько на заслуги и доблести в военной службе. Таким образом во время войны и в продолжение войскового правления многие из реестровых казаков, получив звание старшин, сделались владельцами имений населенных, а потомки их вошли в дворянское сословие». Таким образом мы видим, что Маркович, не стеснясь, признал, что при доказательствах

¹⁾ Напечатана в первом томъ «Материаловъ для статистики Россійской имперіи» (Сиб. 1839), а затѣмъ перепечатана въ 1894 году, въ Черниговѣ, гр. Г. А. Милорадовичемъ.

²⁾ Кіевская Старина 1897 г. №№ 1 и 2.

³⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

дворянства были представляемы такія «свидѣтельства», которыхъ «строгая историческая критика не могла признать основательными», и что потомки тѣхъ «реестровыхъ казаковъ», которые получили во владѣніе населенныя имѣнія, «вошли въ дворянское сословіе». Отсюда мы видимъ, что добросовѣстное изученіе архивнаго матеріала дало Марковичу возможность прійти къ результатамъ, довольно близкимъ къ тѣмъ, которые и теперь признаются наукой. Особенно здѣсь обращаетъ на себя вниманіе установленіе факта о происхожденіи (хотя и частичномъ) малорусскаго дворянства отъ казацкой старшины, такъ какъ это положеніе неохотно принимается нѣкоторыми и въ позднѣйшее время.

Послѣ «Записки» Марковича, объ исторіи малорусскаго дворянства находимъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія въ книгѣ г. Романовича-Славатинскаго — «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка»¹⁾. Здѣсь (на стр. 94—110) изложены главныя черты изъ тѣхъ перипетій, при которыхъ казацкая старшина, «вспомнивъ артикуль 18 Литовскаго Статута» и «принимая на себя видъ благородства», сначала стала превращаться въ шляхетство, а затѣмъ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка стала стремиться «къ укрѣпленію шляхетской чести на ея пристойномъ степени» и «къ соединенію съ русскійскимъ дворянствомъ, яко равная съ равнымъ». Въ очеркѣ г. Романовича-Славатинскаго есть нѣкоторыя пробѣлы, какъ напр., невѣрны у него свѣдѣнія о составѣ той русской шляхты, которую застала революція Хмельницкаго, такъ какъ авторъ причисляетъ къ ней старшинскія фамиліи, вышедшія изъ рядового казачества въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка (Кочубей, Гагаганы). Нѣтъ совсѣмъ въ очеркѣ г. Романовича свѣдѣній о степени образованности той старшины, которая такъ успѣшно прокладывала себѣ дорогу къ юридическому дворянству. Есть свѣдѣнія ни на чемъ не основанныя и явно невѣрныя, напр., что будто существовавшіе въ первой половинѣ XVII вѣка въ Малороссіи суды — земскіе, городскіе и подкоморскіе — были уничтожены Богданомъ Хмельницкимъ (стр. 477). Въ общемъ же очеркѣ г. Романовича заключаетъ въ себѣ обстоятельный сводъ тѣхъ данныхъ по исторіи малорусскаго дворянства, которыя имѣлись въ научномъ обиходѣ четверть вѣка тому назадъ. Новѣйшимъ трудомъ по исторіи малорусскаго дворянства представляется очеркѣ г-жи Ефименко «Малороссійское дворянство и его судьба»²⁾. Очеркѣ этотъ написанъ съ обычною его автору живостью красокъ, которая иногда замѣняетъ подробности того или другого вопроса изъ бытовой исторіи Малороссіи. Разсказывая «судьбу» малорусскаго дворянства, г-жа Ефименко отводитъ, повидимому, надлежащее мѣсто значенію той культуры, которая, по нашему мнѣнію, была однимъ изъ главныхъ условій успѣха при выдѣленіи малорусской интеллигенціи, она

¹⁾ С.-Петербургъ. 1870. in 8°.

²⁾ Вѣстникъ Европы 1891 года, августъ.

же и казацкая старшина, въ особое сословіе. Несомнѣнно, что казацкая старшина совершила много грѣховъ передъ народомъ, пока нажила тѣ земельныя богатства, которыя дали ей возможность стать сначала «панамн», а потомъ и «дворянами», но несомнѣнно и то, что одно матеріальное богатство не дало бы возможности этой старшинѣ такъ легко пройти въ ряды русскаго дворянства, какъ это сдѣлалось. Конечно въ культурѣ казацкой старшины большое вліяніе имѣла та духовная связь Малороссіи съ Польшею, о которой говоритъ г-жа Ефименко (стр. 520), но это духовное наслѣдіе требовало дальнѣйшаго развитія; послѣднее дала та школа, которая съ конца XVII вѣка стала необходимою потребностью высшей старшины, вслѣдствіе чего послѣдняя выдѣлилась изъ народной массы не въ силу одного своего богатства, но и въ силу своего образованія. Признавая «тяготѣнія тогдашняго малорусскаго общества къ высшей культурѣ», г-жа Ефименко, повидимому, ошибочно указываетъ на недостаточность образованія этого общества еще и въ началѣ XVIII вѣка, когда будто бы встрѣчаются неграмотные даже полковники¹⁾. Но во всякомъ случаѣ очеркъ г-жи Ефименко заключаетъ въ себѣ первый сводъ всей литературы вопроса, какъ видно, тщательно изученной авторомъ. Это изученіе дало основаніе г-жѣ Ефименко сдѣлать едва ли не главный выводъ въ ея очеркѣ, что «малорусское дворянство» все цѣликомъ образовалось изъ «войскаго уряда», т. е. изъ казацкой старшины, стоявшей въ непосредственной связи «съ черною костью народной массы».

Очеркъ исторіи малорусскаго дворянства г. Миллера раздѣленъ на четыре главы. Въ первой главѣ разсказана «судьба шляхетства въ гетманщинѣ послѣ революціи 1648 года» и дальнѣйшая его исторія до введенія въ Малороссію учрежденія о губерніяхъ. Во второй главѣ говорится о юридическомъ возникновеніи дворянства въ Малороссіи и о составленіи дворянскихъ списковъ, на основаніи дворянской грамоты 1785 года. Въ третьей и четвертой главахъ находится разсказъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ бывшая казацкая старшина зачислялась въ дворянство, и о правительственныхъ мѣропріятіяхъ къ установленію законности при такомъ зачисленіи. Такимъ образомъ главный вопросъ въ исторіи малорусскаго дворянства—вопросъ о его возникновеніи—изложенъ въ первой главѣ, почему она и составляетъ центръ работы г. Миллера о дворянствѣ. Изъ первыхъ страницъ этой работы видно, что г. Миллеръ не сомнѣвается, что «1654 годъ засталъ на Украинѣ 300 представителей благороднаго сословія», при чемъ «не смотря на то, что ихъ имущественныя и сословныя права были обезпечены договоромъ съ Московскимъ царемъ, а подневольный трудъ подданныхъ гарантированъ имъ гетманскими универсалами», эти «представители» «не только

¹⁾ Неграмотный Галаганъ назначенъ былъ, изъ запорожцевъ, полковникомъ, по приказанію царя. Другихъ неграмотныхъ полковниковъ въ это время не было.

не могли возвратить былого командующаго положенія, но и удержаться въ качествѣ отдѣльнаго сословія. Съ крушеніемъ затѣй Выговскаго дѣла шляхты окончательно было проиграно», говоритъ г. Миллеръ. Приведенная выписка заключаетъ въ себѣ видимое недоразумѣніе. Говоря, что 1654 годъ засталъ на Украинѣ 300 «представителей благороднаго сословія», г. Миллеръ конечно разумѣетъ сообщеніе Карпова, что «по переписнымъ дворянскимъ книгамъ приведенныхъ въ Малороссіи къ присягѣ шляхты слѣдуетъ считать 303 человекъ»¹⁾. О какой именно «шляхтѣ» говоритъ здѣсь Карповъ, этого онъ не поясняетъ, а потому нельзя этимъ извѣстіемъ и пользоваться такъ, какъ имъ пользуется г. Миллеръ. Дѣйствительно въ 3-мъ пунктѣ Переяславскихъ «статей» говорится, что та «шляхта», которая учинила вѣру царю, «должна пребывать при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ и межъ себя старшихъ на уряды судовые обирать и добра свои и вольности имѣть, какъ при королѣхъ польскихъ бывало»... Но дѣло въ томъ, что этой шляхты въ тогдашней лѣвобережной Малороссіи не было, а г. Миллеръ, повидимому, *только о послѣдней и говоритъ*. Слѣдуетъ думать, что представители «Войска Запорожскаго» — гетманъ, генеральная старшина и полковники — говоря о шляхтѣ, имѣли въ виду шляхту правобережную, которая дѣйствительно и значится по переписнымъ книгамъ 1654 года²⁾... Какъ бы то ни было, но, въ моментъ постановленія «статей» 1654 года, въ лѣвобережной Малороссіи той шляхты, которая бы себя разумѣла таковою по своимъ правамъ, — не было. Поэтому и «о подневольномъ трудѣ подданныхъ» этой самой шляхты никакіе гетманскіе универсалы не говорятъ. Г. Миллеръ приводитъ выдержку изъ универсала Богдана Хмельницкаго 1654 года Нѣжинскому полковнику Шумейку о томъ, что дозволяется «всей шляхтѣ до своихъ маестностей и старостъ пріѣзжать и оселѣваться, а «поспольшеству» вмѣняется въ обязанность отдавать своимъ панамъ десятую копу»... Изъ приведенной выдержки не видно, по какому поводу универсалъ былъ написанъ, почему ничего нельзя сказать о дѣйствительности этого акта, въ подлинность котораго и самъ г. Миллеръ не очень вѣритъ, встрѣтивъ универсалъ въ «испорченной копіи» съ какимъ-то непонятнымъ мѣстомъ написанія («з Илѣя»). Въ подтвержденіе того факта, что уже Б. Хмельницкій гарантировалъ шляхтѣ «подневольный трудъ подданныхъ», г. Миллеръ ссылается на универсалъ 1656 года, данный Спасскому Крупицкому монастырю. Но такіе универсалы Б. Хмельницкій выдавалъ *только монастырямъ*. До сихъ поръ мы знаемъ относительно лѣвобережной Малороссіи лишь три—четыре универсала Б. Хмельницкаго, выданные въ 1656 году Юрію Бакуринскому, Лаврентію Борозднѣ, Рубцамъ, на ихъ маестности, причемъ въ универсалахъ о шляхетствѣ этихъ лицъ вовсе не

¹⁾ Русскій Архивъ 1875 г. № 6, стр. 231.

²⁾ Акты Ю. З. Россіи, X, 783. Повидимому, эту шляхту разумѣлъ и Карповъ.

упоминается, а говорится, что универсалы выдаются «за службу» ихъ «Войску Запорожскому»¹⁾. Не говорится въ этихъ универсалахъ и о «подданныхъ», жившихъ въ перечисляемыхъ при этомъ универсалами маетностяхъ. Есть впрочемъ универсалы, данные Б. Хмельницкимъ на земли и шляхтѣ. Но въ одномъ изъ нихъ говорится, что гетманъ позволилъ «шляхтѣ, якую Богъ всемогущій до Войска запорожскаго наклонилъ, маетностей и грунтовъ ихъ власныхъ уживать, якъ издавна они уживали», т. е. гетманъ утверждаетъ земельныя маетности за той шляхтою, которая вошла въ составъ «Войска». Извѣстенъ еще универсалъ Хмельницкаго, выданный безъ такой оговорки, Мартыну и Федору Воронамъ (сентябрь, 1656 года) на стародубскія села, гдѣ значится: «маючи взглядъ на пановъ Мартина и Федора Вороновъ, шляхту, подалисмо онымъ въ посессию села» и т. д.²⁾. Здѣсь нѣтъ уже службы «Войску Запорожскому», а одна только милость гетмана къ шляхетской семьѣ... Но нѣтъ ни слова и о правѣ Воронъ на трудъ крестьянъ... Говоримъ все это, чтобы показать, что въ 1654 году на лѣвомъ берегу шляхты не было, т. е. не было лицъ, которыя бы официально именовались этимъ сословіемъ. Да тутъ же не лишнее будетъ сказать, что вообще на лѣвомъ берегу и въ первой половинѣ XVII вѣка лицъ изъ бывшей шляхты было мало. Начать съ того, что вся южная Малороссія,—примѣрно, настоящая Полтавская губернія—принадлежала почти исключительно польскимъ или ополяченнымъ магнатамъ: Вишневецкимъ, Конецпольскимъ, Жолкъвекимъ и другимъ. Тутъ не было и мѣста для владѣльческой русской шляхты. Тогдашнюю южно-малорусскую интеллигенцію составляли слуги польскихъ магнатовъ въ видѣ разныхъ «старостъ» и «намѣстниковъ».—На сѣверѣ—въ Черниговщинѣ и Стародубщинѣ—положеніе землевладѣнія было другое. Тутъ жили русскіе привилегированные землевладѣльцы уже изстари, потому что лѣсной характеръ мѣстности обезпечивалъ здѣшнее населеніе отъ татарскихъ разореній и далъ Сѣверщинѣ возможность сохранить у себя отчасти стародавнихъ землевладѣльцевъ. Такъ революція Хмельницкаго застала въ Сѣверщинѣ два стародавнихъ рода—Борозднѣ и Рубцовѣ, которые владѣли здѣсь обширными имѣніями еще и при московскомъ владѣніи; эти имѣнія утверждены были за ними и польскимъ правительствомъ, послѣ Деулинскаго перемирія (1618 г.). Остальная здѣшняя русская шляхта въ первой половинѣ XVII вѣка ютилась, главнымъ образомъ, среди лѣсовъ и болотъ западной окраины Черниговщины. Здѣсь жили земляне: Юшкевичи, Богуши, Волдаковскіе, Пироцкіе, Бакуринскіе и другіе. Между ними попадались и замѣтно богатые люди; такъ мы знаемъ, что въ первой половинѣ XVII в. здѣсь жилъ п. Самуилъ Григорьевичъ Соко́ра, владѣвшій мѣстечкомъ Яриловичами (съ «замкомъ Милогороди-

1) Зап. Черниг. губ. Стат. Комит., I, 38 и 59. Акты Ю. и З. Россіи, III, 545.

2) Акты Ю. и З. Россіи, III, 545.

щемъ») и огромной территоріей по обѣимъ сторонамъ рѣки Сожа, «отъ Гомеля до Лоева» ¹⁾. Но вообще и на сѣверѣ лѣвобережной Малороссіи русской шляхты было немного, такъ какъ громадныя земельныя пространства и здѣсь принадлежали полякамъ, захватившимъ ихъ преимущественно вслѣдъ за Деулинскимъ перемиріемъ. Значительнѣйшими владѣльцами тутъ были: Николай Абрамовичъ (Мглинъ съ окрестными селами), Александръ Пѣсочинскій (Погаръ, Новгородсѣверскъ, Глуховъ, съ селами), Адамъ Казановскій (м. Мена съ селами) ²⁾, Адамъ Кисель (м. м. Носовка и Кобыжча), Юрій Оссолинскій (м. Батуринъ, г. Конотопъ), Николай Потонскій (м. Веркѣвка), Борисъ Грязный (с. с. Ушня, Воловица, Степановка), Юрій Калиновскій, во владѣніи котораго около Чернигова было болѣе 30-ти «весей» ³⁾. Но кромѣ этихъ владѣльцевъ поляковъ было еще множество мелкихъ владѣльцевъ поляковъ же ⁴⁾. Отсюда видно, что количество русскои шляхты, жившей на лѣвомъ берегу Днѣпра въ первой половинѣ XVII вѣка, должно было быть весьма незначительно. Оно такъ и было, причемъ и изъ этой шляхты многіе бѣжали отсюда во время народнаго возстанія въ 1648 году на правый берегъ Днѣпра и оттуда уже не возвращались. Бѣжали туда напр. братья Юрія Бакуринскаго, о которомъ говорено выше: «братья его родные Янъ и Павелъ Бакуринскіе, забравши отца своего все имѣніе и права, служачіе на маестности и грунта, лежація въ полку Черниговскомъ, зовесѣмъ пошли за границу на прежнія дѣла»... Ушелъ на правый берегъ и не вернулся Яриловицкій владѣлецъ Сокура. Бѣжала на правый берегъ съ лѣваго и русская, и польская шляхта, спасаясь отъ мести возставшаго народа, не разбираваго при этомъ религіи бывшихъ своихъ владѣльцевъ. Изъ всего сказаннаго для насъ несомнѣнно, что въ лѣвобережной Малороссіи, въ половинѣ XVII вѣка, русская шляхта находилась въ самомъ незначительномъ количествѣ, а послѣ 1654 года тутъ ея оставалось лишь нѣсколько семействъ, которыя почти всѣ и извѣстны. Изъ крупной шляхты остались здѣсь, какъ уже сказано, Бороздны, Рубцы, Бакуринскіе... Изъ мелкой шляхты можемъ назвать Сулимъ, Болдаковскихъ (имѣнія послѣднихъ впоследствии перешли къ черниговскимъ Томарамъ), Пиропскихъ, Добронизскихъ, Богущей, Кисель-Загорянскихъ... Можетъ быть еще столько же можно назвать изъ мелкой русской шляхты, но едва-ли болѣе.

¹⁾ Кіевск. Центр. арх., актов. кн. № 19, т. I, л. 45—48. Сообщено О. И. Левицкимъ.

²⁾ Впоследствии Казановскій продалъ свои менскія владѣнія Адаму Киселю.

³⁾ Самуилъ-Юрій Калиновскій, обозный коронный и генераль земель Черниговскихъ, жаловался въ 1650 г. на мѣщанъ Черниговскихъ, за то, что они, вопреки „Зборовскимъ пактамъ“, не допустили его вступить во владѣніе „болѣе 30-ти весями, королевемъ ему пожалованными“. Кіевск. центр. арх., Владимірс. гродск. кн., № 1018, л. 453 об.

⁴⁾ См. Опис. стар. Малороссіи, I, 142, 143, 146 и слѣд.

Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ лишь фамиліяхъ, шляхетское происхожденіе которыхъ подтверждено историческими документами, такъ какъ, напр., въ списокъ дворянскихъ семей Новгородсѣверскаго дворянства, составленномъ въ 1788 году¹⁾, чуть не половина ихъ (а перечислено въ списокъ семей нѣсколько сотенъ) показываютъ себя происходящими отъ благороднаго польскаго шляхетства.

Такимъ образомъ вся масса населенія лѣвобережной Малороссіи въ 1654 году состояла исключительно изъ демоса, дѣлвшіаго себя только на *товариство* и *посполство*, т. е. на казаковъ-воиновъ и крестьянъ. Въ этой массѣ шляхта могла составить лишь незамѣтныя единицы, о которыхъ и говорить нечего. Какимъ же образомъ изъ этого демоса возродилась прежняя шляхта, получившая въ концѣ XVIII вѣка юридическія права русскаго дворянства? На этотъ вопросъ въ очеркѣ г. Миллера находимъ слѣдующій отвѣтъ: «Украинскій народъ съ половины XVII вѣка началъ новый періодъ своей исторіи отрицаніемъ аристократическаго порядка вещей, а черезъ сто лѣтъ пришелъ къ полному подчиненію этому самому порядку», говоритъ г. Миллеръ и затѣмъ послѣдовательно рассказываетъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ произошло превращеніе казацкой старшины въ дворянство. Въ эти сто лѣтъ, говоритъ г. Миллеръ, «внутренняя жизнь малорусскаго общества проходила, можно сказать, совсѣмъ изолированно отъ внѣшнихъ воздѣйствій. Великая Россія вовсе не навязывала гетманщинѣ своего общественнаго строя и вообще мало вліяла на внутренній строй гетманщины, по крайней мѣрѣ до половины XVIII вѣка. Гораздо большее вліяніе должна была оказать Польша: она передала гетманщинѣ свои шляхетскія и крѣпостническія традиціи, свою культуру и, главнѣе всего, свои шляхетскіе законы. Само собою понятно, что такого рода внѣшнихъ воздѣйствій недостаточно для того, чтобы среди общества, настроеннаго, повидимому, вполне демократически, вызвать особый привилегированный, господствующій надъ массою классъ. Зародился онъ самъ, безъ внѣшнихъ вліяній, зародился, очевидно, потому что въ самомъ этомъ обществѣ были условія, вызывающія его появленіе на свѣтъ»²⁾. Образовался въ Малороссіи привилегированный классъ, по мнѣнію г. Миллера, изъ «малорусскаго пана», который выбился изъ среды рядового казачества, благодаря тому, что онъ въ одно и то же время былъ и судья, и администраторъ, и военачальникъ... «Процессъ совершался быстро. Мало по малу, выдѣлившіеся изъ среды простаго казачества казацкіе начальники присваивали себѣ права настоящей шляхты. Къ концу перваго пятидесятилѣтія пореволюціоннаго періода паны являются владѣльцами населенныхъ имѣній, имѣющими право на трудъ крестьянъ; они судятся шляхетскимъ правомъ».

¹⁾ Рукопись нашей б-ки.

²⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ. Т. 1

правом¹⁾, выбираютъ изъ своей среды урядниковъ на всѣ должности въ краѣ, не платятъ налоговъ и не несутъ общенародныхъ повинностей, ихъ дѣти пользуются особыми преимуществами по службѣ, а образование даетъ имъ возможность, и по вышности, и по развитію, превратиться въ особую породу, рѣзко отличную отъ рядового казачества и поспольства... Въ XVIII вѣкѣ снова появляется терминъ *шляхетство* и замѣчаются уже попытки закрѣпить на законномъ основаніи этотъ терминъ за старшиною... Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ тверже становились права старшины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и росли ея претензіи. Къ концу перваго столѣтія со времени народной революціи, упразднившей привилегіи, Малороссія готова была превратиться въ маленькую Польшу, управляемую классомъ, надѣленнымъ тѣми же самыми привилегіями, противъ которыхъ такъ энергично боролся малорусскій народъ въ пору революціи... Оставалось только возстановить старошляхетскія формы въ области управленія и суда, а затѣмъ получить и формальное признаніе своихъ шляхетскихъ правъ отъ верховной власти... Затѣмъ слѣдуетъ разсказать о стараніяхъ казацкой старшины добиться того и другого. Такъ коротко сказано у г. Миллера о главномъ вопросѣ его монографіи о дворянствѣ — при какихъ условіяхъ совершался политическій ростъ малорусской старшины въ столѣтній періодъ гетманщины и какія обстоятельства помогали этому росту. Намъ кажется, что очеркъ г. Миллера, судя по его заглавію, долженъ былъ заключать въ себѣ главнымъ образомъ по сильную разработку этого именно вопроса, причемъ разумѣется, необходимымъ бы оказывалось и ближайшее ознакомленіе съ тогдашнимъ общественнымъ и культурнымъ положеніемъ «командующаго класса» и съ тѣми частностями изъ быта этого класса, которыя давали толчекъ къ возникновенію тѣхъ или другихъ его тенденцій. А разсмотрѣнію этого вопроса долженъ былъ бы предшествовать, по нашему мнѣнію, очеркъ того правового состоянія, въ которомъ находилась Малороссія (лѣвобережная) вслѣдъ за утвержденіемъ Переяславскихъ «статей» 1654 года. — Что такое представляла собою Малороссія въ это время, — вопросъ очень любопытный и важный для исторіи сословій въ Малороссіи. Согласно первому пункту «статей», это была область, именовавшая себя официально «Войскомъ Запорожскимъ», у которой были «свои права и вольности въ добрахъ (имѣніяхъ) и судахъ». Въ чемъ состояли эти «права и вольности», объ этомъ не имѣется свѣдѣній ни въ «статяхъ» 1654 года, ни гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Извѣстенъ только персоналъ властей этого «Войска», причемъ указывается представитель «Войска» и говорится, что по смерти этого представителя — гетмана — «Войско» само выбираетъ его преемника. Этотъ вышній строй области, получившей затѣмъ книжное названіе Малороссіи, представляется какъ бы осколкомъ съ общественного строя Запорожья,

¹⁾ Т. е. литовскимъ статутомъ, которымъ судится и остальной народъ. А. Л.

почему и сама область получаетъ названіе «Войска Запорожскаго», усвояемое ей уже съ самаго начала XVII вѣка, если не раньше ¹⁾. Представивъ въ 1649 году польскому правительству списокъ своего войска, съ подраздѣленіемъ его по мѣстностямъ, въ которыхъ жили списочные казаки, Хмельницкій, какъ бы закрѣпилъ названіе «Войска» уже за опредѣленной территоріей, главное населеніе которой составляютъ занесенные въ списокъ воины. Никакихъ новыхъ уставовъ гражданской жизни населеніе этой территоріи имѣть въ 1649 году не могло, а *все* прежніе были отвергнуты. Не было нужды въ этихъ новыхъ уставахъ и во все продолженіе войны Хмельницкаго съ поляками. Не встрѣтилось въ этихъ уставахъ надобности и въ моментъ написанія «статей» 1654 года, потому что представителями области явилась казацкая старшина, отправлявшая функции только военныя и потому не имѣвшая ни надобности, ни потребности заботиться о какомъ либо другомъ устройствѣ тѣхъ «полковъ», на которые была подѣлена область, именовавшаяся «Войскомъ Запорожскимъ». Но отсутствіе основъ гражданского устроенія Малороссіи почувствовала очень скоро. Первымъ выразителемъ мысли о необходимости гражданскихъ порядковъ для Малороссіи явился преемникъ Богдана Хмельницкаго, Выговскій, а вмѣстѣ съ нимъ и та часть казацкой старшины, которая по своему образованію выдѣлялась изъ массы демоса. Выговскій по рожденію и по тенденціямъ былъ шляхтичъ; его идеалы поэтому не сходились съ идеалами народа, который представлялся въ это время другою частью старшины, съ ея неграмотнымъ вожакомъ въ лицѣ Пушчаря. Мечты о созданіи «великаго княжества Русскаго», съ самостоятельными гражданскими учрежденіями подъ главенствомъ пожизненно избраннаго гетмана, съ двумя академіями и проч., — не осуществились. Выговскій былъ въ народѣ не популяренъ и его планы не могли оживотвориться. «Гадяцкій договоръ» разлетѣлся прахомъ, но онъ оставилъ слѣды тѣхъ тенденцій, которыя заявила въ это время казацкая старшина изъ партіи Выговскаго. Въ послѣдствіе Гадяцкаго договора, произведена была, дѣломъ 1659 года, польскимъ королемъ нобилитація нѣкоторыхъ богатыхъ казаковъ, отчасти правобережныхъ и отчасти лѣвобережныхъ; въ числѣ ихъ были прежніе шляхтичи, напр. Сулимы, Тетеря, Искрицкій, но изъ лѣвобережныхъ въ нобилитацію попали люди даже неграмотные, только что богатые, напр. Василій Золотаренко (впослѣдствіи Нѣжинскій полковникъ) ²⁾. Нобилитація такихъ лицъ, какъ Золотаренко, Сомко, Романенко и др., указывала, что и въ массѣ неграмотнаго демоса появились отдѣльныя личности, которыя, пользуясь хорошими достатками, стали думать о восполненіи послѣднихъ шляхетствомъ. Такія думы стали выра-

¹⁾ Уже въ универсалѣ 1603 года (рукоп.) гетманъ Крутиевичъ, подтверждая одному изъ Кіевскихъ монастырей его имѣнія, какъ бы отождествляетъ названіе «Войска Запорожскаго» съ тою областью, надъ которою онъ главенствуетъ.

²⁾ Акты Ю.-З. Россіи, IV, 215 и слѣд.

жаться и реально. Тотъ же самый Василій Золотаренко, польская нобилитация котораго обратилась въ ничто вмѣстѣ съ замыслами Выговскаго и его партіи, рѣшилъ просить у русскаго царя земельныхъ имѣній за то, что онъ «отсталъ отъ измѣнника и клятвопреступника Иванки Выговскаго». При этомъ Золотаренко хорошо понимаетъ, что владѣніе малостностями выдѣлить его изъ массы демоса лучше даже, чѣмъ голая нобилитация. Попросилъ Золотаренко «пожаловать ему городъ Гомель съ волостью и съ уѣздомъ и со всякими угодами къ нему принадлежащими и доходы во владѣніе». Службу Золотаренка нашли достойною награды и въ мартѣ 1660 года онъ получилъ царскую грамоту на «городъ Гомель съ волостью и съ уѣздомъ». Грамота была дана, но Гомель въ фактическое владѣніе Золотаренка не поступалъ вѣроятно потому, что население Гомельской волости воспротивилось бы тому... Есть свѣдѣніе, что уже въ 1656 году, т. е. еще при жизни Хмельницкаго, царь далъ грамоту Петру Забѣлѣ, въ то время, кажется, Борзенскому сотнику, на пять селъ, и Забѣла фактически сталъ владѣть этими селами, а когда грамота 1656 года сгорѣла, то Забѣлѣ въ 1661 году дана была новая, на тѣ же пять селъ ¹⁾. Это было постъ крушенія плановъ Выговскаго. Этимъ моментомъ воспользовались немало лицъ изъ старшины, предъявивъ въ Москвѣ свои ходатайства о пожалованіи не только мельницъ, на которыя старшина имѣла право по «статьямъ» 1654 года, но и «деревень». — Такъ, напр., Нѣжинскій *магистратскій* писарь Васютинскій обратился къ царю съ просьбою дать ему грамоту на деревни Хибаловку и Красиловку «со крестьяны», на основаніи привилегій, полученныхъ де имъ раньше отъ польскаго короля и отъ запорожскихъ гетмановъ. И эта просьба была уважена выдачею грамоты на деревню Хибаловку съ мельницею и на деревню Красиловку «со крестьяны», «буде на тѣ деревни и мельницы королевскіе и запорожскихъ гетмановъ привилегіи есть и впредь о тѣхъ деревняхъ и мельницахъ спору и челобитья ни отъ кого не будетъ» ²⁾. Тогда же дана была царская грамота Нѣжинскому полковому есаулу Буту «на селыо Киселевку и Адамовку». Грамота дана была по ходатайству Василя Золотаренка, удостовѣрившаго при этомъ лишь то обстоятельство, что Киселевкою и Адамовкою никто не владѣетъ. Одновременно получаетъ царскую грамоту и Нѣжинскій *войтъ* Цурковскій на «родственныя» вотчины, которыми де онъ владѣетъ по привилегіямъ польскаго короля и гетмановъ Богдана и Юрія Хмельницкихъ, а именно: на деревни Кукшинъ, Колесники и Мыльники, причемъ въ грамотѣ значится: «со крестьяны» и добавляется, что Цурковскому предоставляется «доходы» всякіе имать, почему съ тѣхъ деревень имывано напередъ сего... Годомъ раньше было выдано нѣсколько универсаловъ Выговскимъ и Юріемъ Хмель-

¹⁾ Киевск. Стар. 1883 г. № 7, 506.

²⁾ Акты Ю. и З. Россіи, V, 21.

ническимъ на села, но о послушенствѣ крестьянъ въ нихъ не упоминается¹⁾. Въ царскихъ грамотахъ точно указывается, что деревни отдаются съ крестьянами и что владѣльцы деревень имѣютъ право получать съ нихъ всѣ тѣ доходы, какіе они получали и передъ тѣмъ; слѣдовательно за Цурковскимъ, напр., грамота утверждала право на крестьянскій трудъ въ томъ объемѣ, какой существовалъ до изгнанія поляковъ. Такимъ образомъ приведенныя грамоты должны были положить начало возобновленію того строя междусословныхъ отношеній, который былъ и при полякахъ. А народъ думалъ и говорилъ, что прежніе земельные акты казацкою саблей «скасованы»... Но если акты прежняго времени и уничтожились вмѣстѣ съ своими владѣльцами, то появились новые акты, противъ которыхъ спорить было трудно... Старшина сразу поняла, что московское правительство вовсе не препятствуетъ приобрѣтенію маестностей съ тѣми самыми правами, какъ это было и при «панахъ»²⁾. Вотъ почему уже съ 1662 году знакомый намъ Василій Золотаренко, будучи нѣжинскимъ полковникомъ, выдаетъ свой листъ незначительному войсковому чиновнику Марку Кимбарѣ на село и — тоже «со крестьяны»: «поглядаючи на услуги отъ п. Марка Кимбаровича на разныхъ службахъ отдаваніе», даемъ оному на «вживлене» село Березу, приказывая, чтобы войтъ и вся громада Березовская п. Марку Кимбарѣ, «товарицу полку Нѣжинского», «належитое послушенство при звиклой повинности отдавала». Въ какія же отношенія становился Кимбара на основаніи полковничьяго «листа» къ крестьянамъ села Березы? Несомнѣнно, что въ тѣ самыя, въ которыя сталъ и Цурковский къ крестьянамъ своихъ «родственниковъ вотчинъ» на основаніи царской грамоты, т. е. въ прежнія отношенія «пана» къ крестьянамъ. Что же могло помѣшать и что могло помочь возрожденію въ Малороссіи прежнихъ «подданическихъ» отношеній крестьянъ къ панамъ, за которыми утверждалось право на ихъ личный трудъ? Помѣшать могла власть, мѣстная или московская, но для этого власть должна была имѣть въ виду какое-нибудь запретительное постановленіе, а такихъ запрещеній не существовало. Съ другой стороны, въ Московскомъ государствѣ царь постоянно награждалъ служилый людъ помѣстьями, слѣдовательно такой же порядокъ пожалованій можно было примѣнять и у «Черкасъ», старшину которыхъ ласкать необходимо было въ виду постоянной «шатости» этихъ «Черкасъ». А что помогало установленію раздачи маестностей, т. е. селъ «со крестьяны», этой самой старшинѣ? То общественное положеніе послѣдней, которое она заняла не только въ силу своей власти, но и въ силу своего образованія, которое необходимо возвышало эту старшину надъ демосомъ и выдѣляло ее изъ массы. Высшая

1) Напр. универсалъ Выговскаго Домонтовичу на Смоленъ и Максимъ 1659 г.

2) Такъ обыкновенно народъ называлъ въ XVII и XVIII в. время зависимости Малороссіи отъ Польши.

старшина стала заботиться объ образованіи своихъ дѣтей очень рано и результаты этого образованія уже замѣтны въ послѣдней четверти XVII вѣка. Возьмемъ для примѣра семью Петра Забѣлы, который, впрочемъ, выдѣлялся изъ ряда старшины тѣмъ, что изъ неграмотныхъ сотниковъ повысился до уряда генеральнаго обозничества. Такое повышение, кромѣ извѣстныхъ личныхъ качествъ Забѣлы, вѣроятно, много зависѣло и отъ его богатства. У этого Забѣлы было шесть сыновей, изъ которыхъ самый младшій былъ уже женатъ въ 1687 году. Всѣ они были не только вполне грамотными людьми, но и имѣвшими достаточный лоскъ, давшій имъ, вмѣстѣ съ богатствомъ, возможность стать очень замѣтными людьми. Два изъ нихъ занимали генеральныя уряды, одинъ былъ Борзенскимъ сотникомъ. Всѣ они поженились на дочеряхъ богатой старшины: Тарасъ былъ женатъ на дочери нѣжинскаго войта Цурковскаго и, по смерти его, получилъ тестевскія села Кукшинъ и Колесники. Василий женился на дочери кіевскаго полковника Константина Солонины. Младшему Ивану отецъ передъ самою смертью высваталъ дочь генеральнаго обознаго Борковскаго. Степень образованія сыновей Петра Забѣлы видна изъ нѣкоторыхъ ихъ частныхъ писемъ. Грамотность Степана, бывшаго Нѣжинскимъ полковникомъ (1687—93), указываетъ, что учился онъ конечно въ Кіевѣ. Обученіе старшинскихъ дѣтей въ Кіевской академіи фактъ несомнѣнный. Въ концѣ XVII вѣка вполне грамотны были: семьи Апостоловъ, Борковскихъ, Бороховичей, Войцеховичей, Горленковъ, Есимонтовскихъ, Максимовичей, Лизогубовъ, Ломиковскихъ, Жураховскихъ, Лѣсницкихъ, Полуботковъ, Самойловичей, Чуйкевичей, Сулимъ, Рубцовъ, Солонинъ, Шубъ... Здѣсь называются лишь тѣ фамиліи, среди которыхъ уже въ XVII вѣкѣ мы видимъ членовъ, грамотность которыхъ указываетъ на ихъ обученіе если не въ Кіевѣ, то въ Черниговѣ или Переяславѣ, гдѣ имѣлись «латинскія училища». Заботясь о книжномъ образованіи, старшина уже въ концѣ XVII вѣка начинаетъ мечтать и о незабытомъ въ краѣ шляхетствѣ, причемъ находитъ возможность тогда-же отчасти осуществлять мечты эти посредствомъ женитьбы сыновей на дочеряхъ изъ несомнѣнно шляхетскихъ семействъ. Въ этомъ отношеніи любопытный примѣръ мы видимъ въ семьѣ гетмана Самойловича. Будучи сыномъ красноколядинскаго священника, Самойловичъ на всю жизнь сохранилъ за собою прозвище *поповича*. Ставъ гетманомъ, Самойловичъ, не удовлетворяясь своимъ высокимъ урядомъ, пожелалъ затереть слѣды своего происхожденія посредствомъ браковъ своихъ дѣтей съ шляхтою. Такъ, старшаго сына своего Семена гетманъ женилъ на дочери Федора Сулимы, который въ это время былъ настолько бѣденъ, что занималъ незначительное мѣсто «надзирателя добрыхъ панскихъ» (гетманскихъ) въ Конотопѣ, но въ то же время онъ былъ несомнѣннымъ шляхтичемъ, а значить дочь его была *природною шляхтянкой*. Для младшаго сына Якова гетманъ не нашелъ подходящей невѣсты во всей Малороссіи и высваталъ ему «шляхтянку» изъ Смолен-

ска—Швейковскую. Для единственной своей дочери Самойловичъ нашёл жениха на Волыни, въ лицѣ захудалого князя Четвертинскаго, который обвинялся съ дочерью гетмана уже послѣ его ссылки. *Панская гордость* не только самого Самойловича, но и сыновей его, какъ извѣстно, была одною изъ причинъ и его низложенія. Затѣмъ, на мѣсто Самойловича поставленъ былъ уже природный шляхтичъ и при немъ старшина окончательно уже запанѣла. Мазепа обставилъ себя, какъ это дѣлали польскіе магнаты, «дворянами», причемъ учреждалъ «придворныя» должности, какъ напр. «кравчаго» (Дмитрій Максимовичъ), «конюшаго» (Иванъ Діаковский). Не будемъ распространяться о томъ влияніи, которое онъ оказалъ за двадцатилѣтнее свое управленіе Малороссіей на внутренний строй послѣдней. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что если бы не сдерживающая власть русскаго правительства, то Мазепа изъ Малороссіи сдѣлалъ бы маленькую Польшу со всѣмъ ея блескомъ для пановъ и со всѣми тягостями для «мужиковъ». При гетманѣ-шляхтичѣ старшина стала держать себя уже настоящими панами, отдѣляясь отъ народа какъ всею обстановкою домашней жизни, такъ и образованіемъ. Дѣти крупнѣйшей старшины Мазепинскаго времени получаютъ образованіе почти исключительно въ Кіевѣ и, судя по ихъ частной перепискѣ, представляютъ собою людей для тогдашняго времени вполне образованныхъ. Близкое знакомство съ мѣстной богословскою литературою, съ латынью и ея нѣкоторыми авторами и практическое знаніе польскаго языка—были видимыми признаками этого образованія. Такіе люди, какъ Николай Ханенко и Яковъ Марковичъ, учились въ Кіевѣ какъ разъ во время гетманства Мазепы. Тамъ же учились въ это время дѣти прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка¹⁾. Въ то же время казацкая старшина продолжала быстро богатѣть, пользуясь для сего при Мазепѣ особенно благопріятными обстоятельствами. Будучи поставленъ гетманомъ вслѣдствіе старшинской интриги, Мазепа хорошо понималъ, что для упроченія за собою гетманства ему необходимо было задобрить ту самую старшину, усиліями которой собственно и низложенъ былъ его предшественникъ. Поэтому Мазепа съ первыхъ же дней своего гетманства началъ раздавать вліятельнымъ лицамъ изъ этой старшины универсалы на маестности, причемъ нѣкоторые универсалы выданы имъ по дорогѣ, когда онъ возвращался изъ подъ Коломака, гдѣ поставленъ былъ гетманомъ, въ Батуринъ²⁾. Но утвердившись на гетманствѣ главнымъ образомъ путемъ угодливости правительству, Мазепа окончательно подчинилъ себѣ старшину, назначая на мѣста полковниковъ и генеральныхъ урядниковъ только людей себѣ преданныхъ или родичей. Такой спо-

¹⁾ См. Русск. Арх. 1875 г. II, 245.

²⁾ Напр. универсалъ Черниговскому полковнику Якову Лизогубу на село Сосновку былъ подписанъ 17 августа 1687 года въ Ромнѣ, т. е. на пути изъ подъ Коломака въ Батуринъ.

собъ замѣщенія старшинскихъ урядовъ, разумѣется, деморализировать всю ту массу, которая стремилась занять эти уряды, и къ концу своего гетманства Мазепа сталъ царькомъ въ Малороссіи. Насколько сильна была власть Мазепы въ краѣ, лучше всего видно изъ того обстоятельства, что, задумавъ отдѣлить Малороссію отъ русскаго государства и совѣтуясь объ этомъ съ своими приближенными ¹⁾, Мазепа о народѣ въ это время, по-видимому, и не вспоминаетъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ, чтобы Мазепа, готовясь къ измѣнѣ, находилъ нужнымъ привлечь къ себѣ благорасположеніе народа какими либо мѣрами объ улучшеніи его быта. Положеніе, въ которое стала старшина къ народу при Мазепѣ, исключало уже возможность свободного выбора на вышіе въ «Войскѣ» уряды; эту старшину, какъ сказано, назначалъ самъ Мазепа, а дѣти этой старшины въ силу одного своего происхожденія становились въ ряды привилегированныхъ бунчуковыхъ товарищей. Измѣна Мазепы увеличила значеніе старшины еще болѣе, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ явились въ Малороссіи полковники, назначенные русскимъ правительствомъ (Милорадовичъ, Галаганъ, Танскій, Толстой, Жоравка...), которыхъ власть стала, можно сказать, безконтрольною. Также точно назначалось по усмотрѣнію правительства и множество второстепенныхъ урядниковъ, преимущественно сотниковъ, которые въ силу своего назначенія становились по отношенію къ народу въ особое независимое отъ него положеніе, дававшее ему возможность проявлять свою власть въ разнаго рода насиліяхъ. Такимъ образомъ, образованіе вмѣстѣ съ властью, при наличности полныхъ матеріальныхъ достатковъ, окончательно отдѣлили старшину отъ народа. Это отдѣленіе замѣтно выявилось, когда въ 1722 году учреждена была малороссійская коллегія, главнымъ образомъ, какъ говорилось, для защиты народа отъ старшины. Русское правительство имѣло полное основаніе говорить, что народъ поработченъ старшиною, а слѣдовательно послѣдняя ничего общаго съ нимъ уже не имѣетъ. Коллегія принизила старшину, уменьшивъ ея власть, но нажитыя богатства оставались при ней. Съ возстановленіемъ гетманства въ лицѣ Апостола, положеніе старшины стало крѣпче, чѣмъ было прежде: Апостолъ по личному своему характеру былъ человѣкъ мягкій, при чемъ власть его была сильно еще умалена участіемъ въ управленіи великорусскихъ чиновниковъ, небезкорыстная податливость которыхъ давала старшинѣ возможность не бояться контроля надъ продолженіемъ насилій и самоволій. Въ это же приблизительно время выступили на поприще общественной дѣятельности дѣти мазепинской старшины: Мих. Скоропадскій, Ханенко, Миклашевскіе, Свѣчки, Ширай, Ломиковскіе, Лизогубы, Солонины и другіе, которые выросли и формировались при полной уже обстановкѣ «паньчей» и которые тоже всѣ (или съ единичными исключеніями) учились если не въ Кіевѣ, то по крайней

¹⁾ Письмо Орлика къ Яворскому.

286/3
мѣръ въ «латинскихъ школахъ». Можно сказать, что вся та старшина, которая при Мазепѣ и при Скоропадскомъ приобрѣла себѣ матеріальное обезпеченіе путемъ полученія маестностей, затѣмъ устроенныхъ и увеличенныхъ разнаго рода насиліями, при Апостолѣ окончательно составила изъ себя группу, которая по справедливости могла быть названа «высшимъ сословіемъ». У этой старшины были маестности съ широкимъ правомъ на крестьянскій трудъ. Эта старшина располагала образованіемъ и образованіемъ во всякомъ случаѣ большимъ, чѣмъ то, которымъ располагало тогдашнее великорусское общество. Что же еще нужно было этой влиятельней наверхъ группѣ малорусскаго народа? Г. Миллеръ правильно указываетъ, что не доставало ей только равноправности въ совмѣстной съ великорусскими чиновниками общественной дѣятельности, и вотъ малорусская старшина начинаетъ искать «установленнаго закономъ уравнинія своихъ чиновъ съ русскими табельными». Но едва ли правъ авторъ, говоря, что старшина въ это время не искала еще дворянства, боясь обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ. «Табельный чинъ» тогда давалъ человѣку болѣе опредѣленное положеніе въ обществѣ, чѣмъ то, которое соединялось съ однимъ титуломъ дворянина, такъ какъ прерогативы послѣдняго тогда мало еще были опредѣлены. Исканіе со стороны малорусской старшины уравнинія чиновъ продолжалось (стр. 15—17) болѣе двадцати лѣтъ и не увѣнчалось успѣхомъ, главнымъ образомъ, какъ намъ кажется, потому что тогдашній великорусскій правящій классъ продолжалъ еще свысока относиться къ малорусской старшинѣ, видя въ ней прежнихъ черкасъ-казаковъ¹⁾. Уничженіе послѣднихъ предъ великорусскимъ обществомъ въ половинѣ XVIII вѣка настолько было еще явственно, что въ 1761 г. сенатъ не призналъ за дѣтьми малорусской старшины правъ на поступленіе въ кадетскій шляхетскій корпусъ на томъ основаніи, что это право имѣютъ только дворяне, а таковыхъ въ Малороссіи нѣтъ (стр. 18). Далѣе г. Миллеръ указываетъ на вопросъ, возбужденный въ 1762 году гр. Воронцовымъ въ сенатѣ о приведеніи въ извѣстность тѣхъ малороссійскихъ фамилій, которыя могутъ доказать свое шляхетство. Вопросъ возникалъ изъ практической необходимости — имѣть вѣрныя свѣдѣнія о шляхетствѣ тѣхъ лицъ, которыя поступали въ это время въ военную или штатскую службу. Вслѣдствіе возбужденнаго гр. Воронцовымъ вопроса, гетману послана была грамота съ повелѣніемъ составить списки малороссійскаго шляхетства и, вмѣстѣ съ доказательствами послѣдняго, представить въ герольдію. О результатахъ этого распоряженія г. Миллеръ свѣдѣній не нашелъ (стр. 19). Но извѣстно, что по полученіи гетманомъ указанной грамоты, генеральная канцелярія потре-

¹⁾ Благопріятный отвѣтъ правительства на просьбу Апостола въ 1733 году объ уравниніи чиновъ, о чемъ говоритъ г. Миллеръ, утвержденія однакожь не получилъ, и едва ли потому, что гетманъ не просилъ объ этомъ.

бывала ее исполненія отъ полковыхъ канцелярій; пока извѣстенъ отвѣтъ одной только полтавской полковой канцеляріи ¹⁾. Отвѣтъ былъ очень любопытный. Разсказавъ исторію шляхетства въ Малороссіи съ 1654 года, причемъ казацкая старшина съ нимъ себя отождествляетъ, полтавцы, продолжая доказывать шляхетство старшины, указываютъ на три грамоты 1677—79 гг., данныя полтавскому полковнику Левенцу за службу при осадѣ Чигирина, и на грамоту Петра Великаго, данную Скоропадскому при утвержденіи его въ гетманствѣ, поясняя, что этими грамотами значеніе службы казацкой старшины удостовѣрено самими государями и что, кромѣ того, полезность службы малороссійскаго народа подтверждена и грамотою императрицы Елисаветы Петровны объ избраніи гетмана, «по которымъ службамъ—продолжаютъ полтавцы—видимъ малороссійской старшины и казаковъ рыцерство въ правѣ статутъ напечатано (sic), а потому и по предъизображеннымъ утвержденнымъ свободамъ и вольностямъ доказательно и шляхетство малороссійскаго воинскаго званія народу, ибо кромѣ шляхетства и дворянства никто особыхъ правъ, свободы и вольности имѣть не можетъ, такъ и народу, находящемуся при своихъ правахъ, свободахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ не имѣть шляхетства, а именоваться и быть простородными ни съ которыми обыкновеніями не согласно... (*пропускъ въ рукописи*) съ обидою малороссійскому народу...» Что же касается до повелѣнія о присылкѣ въ сенатъ списковъ о всемъ малороссійскомъ шляхетствѣ съ точными доказательствами о ихъ шляхетствѣ..., то «хотя въ Малой Россіи фамиліи разніе отъ польскихъ королей привилегіи на шляхетства имѣли, а паче множественнымъ числомъ, и едва ли не вся старшина малороссійская изъ роду той шляхты, которая въ Малой Россіи православнаго исповѣданія обрѣталась... но понеже обь оной шляхтѣ—кто она именно по фамиліямъ была, списка нѣтъ...», а между тѣмъ были войны и разоренія Малой Россіи, какъ то шведская и турецкая, то «въ тогдашнее время и привилегіи въ кого зъ фамиліей... имѣлись и списки о шляхетствѣ, ежели были, могли пропасть. Да и имѣть оныхъ списковъ, по вышеписанной малороссіянъ и шляхты едности и общемъ пользованіи высокомонаршею милостію при однихъ правахъ и вольностяхъ, нужды не было. Зачѣмъ теперь и повелѣнныхъ привилегій на шляхетство по фамиліямъ, развѣ самага малого числа, представить не можно...» Такимъ образомъ старшина должна была сознаться, что никакихъ документовъ, подтверждающихъ шляхетское происхожденіе той или другой старшинской фамиліи—нѣтъ, «развѣ самага малого числа»... Вѣроятно, что подобный же отвѣтъ данъ былъ и другими полками, на что указываетъ приводимый г. Миллеромъ отрывокъ изъ наказа Стародубскаго шляхетства (стр. 20). Тѣмъ не менѣе отсутствіе юридическихъ

¹⁾ См. *Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года* (Черниговъ 1890), гдѣ въ приложеніи напечатанъ этотъ отвѣтъ.

доказательствъ не мѣшало старшинѣ въ ея исканіяхъ объ утвержденіи за нею права на привилегированное положеніе. Разматривая шляхетскіе наказы, составленные при посылкѣ депутатовъ въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, г. Миллеръ говоритъ, что «шляхетскіе наказы просятъ уже не только объ уравниеніи малорусскихъ чиновъ съ великорусскими, но и о предоставленіи всему командующему классу всѣхъ тѣхъ преимуществъ и выгодъ, какими пользовалось русское дворянство». Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ шляхетство заботится и о сохраненіи за нимъ «всѣхъ стародавнихъ отмѣнныхъ вольностей и выгодъ». Какъ извѣстно, задача комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія не была рѣшена и составленные для депутатовъ наказы указываютъ лишь на тогдашнія пожеланія той или другой общественной группы. Тѣмъ не менѣе комиссія эта въ исторіи малорусскаго дворянства имѣла весьма важное значеніе: посылкѣ депутатовъ отъ казацкой старшины въ комиссію—предшествовало распоряженіе Румянцева о созывѣ ея въ особія собранія, для составленія наказовъ, причемъ эта старшина официально называется *благороднымъ шляхетствомъ и рыцарствомъ* и за нею признается право на избраніе такихъ же «предводителей шляхетства»¹⁾, какъ и тѣ предводители дворянства, которыхъ тогда же должно было выбрать великорусское дворянство. Отмѣчая этотъ фактъ (стр. 26), г. Миллеръ даетъ ему надлежащее значеніе въ перечнѣ ступенекъ той лѣстницы, по которой казацкая старшина шагъ за шагомъ всходила на верхъ, стремясь къ дворянству. Въ своихъ наказахъ казацкая старшина, именуюясь шляхетствомъ, тѣмъ не менѣе хлопочетъ о признаніи за нею юридическаго права на принадлежность къ этому сословію. Разсказавъ объ этихъ петиціяхъ старшины, г. Миллеръ заключаетъ, что эти петиціи о признаніи за старшиною дворянскихъ правъ «шли на встрѣчу объединительнымъ планамъ центрального правительства». Само собою разумѣется, что главнымъ событіемъ, которое дало возможность старшинѣ засчитать себя дворянствомъ, было введеніе въ Малороссію въ 1782 году учрежденія о губерніяхъ, выразившееся въ открытіи здѣсь трехъ намѣстничествъ. Это былъ «послѣдній фазисъ сословной эволюціи» малорусской старшины, какъ говоритъ г. Миллеръ. Въ рескриптѣ Румянцеву (21 окт., 1781 г.) объ открытіи въ Малороссіи губернскихъ учреждений сказано, что выборы въ дворянскіе засѣдатели совѣстныхъ и верхнихъ земскихъ судовъ, въ предводители, въ уѣздные судьи и дворянскіе засѣдатели уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ «принадлежить, по точной силѣ учреждений, дворянству, вотчины и помѣстья свои въ тѣхъ губерніяхъ имѣющему, такъ какъ и избираемые изъ нихъ же должны быть». «Дворянствомъ, вотчины и помѣстья свои имѣющимъ, оказался въ Малороссіи, говоритъ г. Миллеръ, тотъ классъ, который именовать себя шляхетствомъ; къ

¹⁾ Наказы малороссійскимъ депутатамъ. Изд. „Кіевск. Стар.“, 185.

нему то и перешли всё тѣ права, которыя учрежденіе о губерніяхъ предоставляло только дворянамъ». Этимъ актомъ законодатель призналъ за малорусскою старшиною право на русское дворянство въ силу того обстоятельства, что въ это время малорусская старшина фактически обладала всёми тѣми, что должно было служить отличіемъ дворянскаго сословія отъ другихъ, т. е. владѣла «вотчинами и помѣстьями» и была настолько грамотна, что съ полнымъ правомъ могла занять во вновь открытыхъ учрежденіяхъ должности, необходимо требовавшія извѣстнаго образованія. Въслѣдъ за открытіемъ намѣстничествъ составлены были, конечно по распоряженію Румянцева, «вѣдомства о дворянствѣ» по уѣздамъ. Въ эти списки ¹⁾ внесена вся старшина, начиная отъ значковыхъ товарищей, съ показаніемъ служебнаго, семейнаго и имущественнаго положенія (число «подданныхъ»). Тутъ же, при нѣкоторыхъ изъ фамилій указываются и тѣ юридическіе документы, на основаніи которыхъ, повидимому, утверждается принадлежность фамиліи къ дворянству. Слѣдуетъ думать, что эти списки были приготовленіемъ къ тому разбору дворянства, о которомъ говорилъ рескриптъ 21 октября 1781 года. Но этому разбору видимо помѣшали послѣдовавшія въ это время законодательныя измѣненія въ общественномъ быту Малороссіи. Эти измѣненія произвели, какъ указываетъ г. Миллеръ, указы: а) 3 мая 1783 года, запретившія малорусскимъ крестьянамъ вольный переходъ съ мѣста на мѣсто и б) 28 іюля, того же года, — о преобразованіи малороссійскихъ казачьихъ полковъ въ регулярные. Эти указы дополнили рескриптъ 21 октября 1781 года. Указъ 3 мая прикрѣпилъ крестьянъ къ тѣмъ имѣніямъ, въ которыхъ они находились въ этотъ моментъ, а указъ 28 іюля — переименовалъ обозныхъ, есауловъ, хоружихъ и другихъ урядниковъ — въ военные великорусскіе чины, которые сами по себѣ, безъ всякихъ «вотчинъ и помѣстій», дѣлали прапорщиковъ, поручиковъ, капитановъ... дворянами. Даже и та старшина, которая не пожелала служить въ регулярныхъ войскахъ, получила чины, военные и гражданскіе. Чины эти въ послѣдствіи имѣли тоже значеніе въ судьбѣ ихъ обладателей. Окончательно зачислена была казацкая старшина въ дворянское сословіе грамотою 1785 года. Для опредѣленія значенія этого акта въ судьбѣ малорусскаго дворянства г. Миллеръ сравниваетъ права и привилегіи шляхетства съ тѣми правами, которыя давала дворянская грамота. Для этого авторъ приводитъ подробный перечень правъ и преимуществъ шляхетства по литовскому статуту и, сравнивъ ихъ съ правами дворянской грамоты, приходитъ къ заключенію, что шляхетскія права имѣли перевѣсъ сравнительно съ правами дворянства, но тутъ же справедливо добавляетъ, что малорусская старшина «многими

¹⁾ Извѣстные намъ изъ этихъ «вѣдомствъ» списки по девяти уѣздамъ Черниговской губ. напечатаны въ Черниговѣ, въ 1890 году, особою книжкою подъ заглавіемъ «Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года».

и многими изъ перечисленныхъ въ литовскомъ статутѣ правъ *совсѣмъ не пользовалась* въ дѣйствительности». Но этого мало. Слѣдуетъ добавить, что казакская старшина статутowymi правами юридически стала пользоваться, и то лишь частично, только со времени учрежденія новыхъ судовъ въ Малороссіи на основаніи универсала 19 ноября 1763 года. До тѣхъ поръ малорусская старшина называла себя шляхетствомъ, можно сказать, самозванно, такъ какъ *безличное* упоминаніе о шляхтѣ и ея правахъ въ «статяхъ» 1654 года не давало никому, даже несомнѣннымъ потомкамъ этой шляхты, права юридически принадлежать къ ея составу и на этомъ основаніи пользоваться по закону статутowymi правами. А поэтому, получивъ дворянство на основаніи грамоты 1785 года, малорусская старшина не имѣла никакихъ основаній сравнивать этихъ новыхъ своихъ правъ съ прежними—статутowymi шляхетскими, о которыхъ она могла говорить, но которыми никогда юридически не обладала. Г. Миллеръ при этомъ впрочемъ полагаетъ, что «шляхетскія права на законномъ основаніи принадлежали только небольшой части шляхетства, тѣмъ немногимъ потомкамъ родовыхъ шляхтичей и дворянъ (?), которые могли представить несомнѣнныя доказательства своего благороднаго происхожденія»... Мы же полагаемъ, что юридическаго права («на законномъ основаніи») на принадлежность къ шляхетскому сословію ни у кого изъ лицъ малорусской старшины не имѣлось, потому что статутowychъ правъ шляхетства русское правительство никогда ни за кѣмъ не признавало, даже и за тѣми, которые происходили несомнѣнно изъ шляхетства. Для примѣра, можемъ взять фамилію Сулимъ, которые, имѣя цѣлый рядъ юридическихъ актовъ польскаго времени о своемъ шляхетствѣ и желая исполнотать себѣ «грамоту» (слѣдуетъ разумѣть—на статутное шляхетство), хотятъ при этомъ представить кромѣ «королевскихъ польскихъ привиліевъ» «государеву грамоту» (неизвѣстно какую, но видимо не польскую) и «универсалы на маестности и шляхетство (?)» ¹⁾. О какихъ «дворянахъ» говорить при этомъ г. Миллеръ (которые будто бы вмѣстѣ «съ немногими потомками родовыхъ шляхтичей» пользовались шляхетствомъ «на законномъ основаніи») — не знаемъ. Дѣйствительно среди малорусской старшины были фамиліи, получившія дворянство по пожалованію (напр. при Брюховецкомъ было пожаловано дворянствомъ чуть не весь персоналъ генеральной старшины и полковниковъ, въ 1736 году получилъ дворянство генеральный подскарбій Марковичъ), но намъ не приходилось встрѣчать и намековъ на то, чтобы потомки жалованныхъ «дворянъ» указывали гдѣ либо на это свое дворянство. Ссылались на эти пожалованія лишь послѣ 1785 года, когда нужно было доказывать документами свое дворянство...

Признаніе за малорусскою старшиною права на дворянство, которое затѣмъ утверждалось за отдѣльными лицами или фамиліями на

¹⁾ Сулим. Арх., 100. 1871

основаніи представленныхъ ими юридическихъ документовъ, заключило первый и главный періодъ въ исторіи малорусскаго дворянства. Дворянская грамота 1785 года дала право малорусской старшинѣ войти въ составъ русскаго дворянства при наличности извѣстныхъ условий, которыя опредѣлялись тою же дворянскою грамотою. Слѣдовательно дворянство можно было получить, лишь доказавъ его.

Второй и заключительный періодъ въ исторіи малорусскаго дворянства составляетъ разборъ представленныхъ старшиною доказательствъ на дворянство и затѣмъ записка доказавшихъ дворянство въ дворянскія книги. Въ этой второй части своего очерка г. Миллеръ подробно излагаетъ тѣ затрудненія, которыя возникли въ депутатскихъ собраніяхъ при опредѣленіи юридическаго значенія тѣхъ или другихъ изъ представлявшихся доказательствъ, и затѣмъ послѣдовательный ходъ законодательства, которое постепенно расширяло кругъ этихъ доказательствъ. Въ дѣятельности депутатскихъ собраній по вопросу о разборѣ дворянскихъ правъ было два періода: первый, когда таковыя дѣйствовали самостоятельно, руководствуясь въ своихъ опредѣленіяхъ указами дворянской грамоты, и второй, когда ихъ дѣятельность стала въ зависимость отъ контроля сенатской герольдіи. Требованіе герольдіи, старавшейся не выходить изъ рамокъ закона, возбудило среди малорусской интеллигенціи сильное негодованіе и заставило ее обратиться посредствомъ разныхъ мѣръ къ отвращенію будто бы несправедливостей герольдіи. По этому случаю были поданы высшему правительству разныя петиціи, разсмотрѣніе которыхъ продолжалось до 1835 года, когда, наконецъ, былъ изданъ законъ, установившій правила для признанія за потомками малорусской старшины правъ на дворянство. Такимъ образомъ около пятидесяти лѣтъ длились усилія малорусской старшины и ея потомковъ о расширеніи тѣхъ рамокъ, которыя, по установившейся въ герольдіи практикѣ, давали права на дворянство.

Доказательствами правъ на дворянство по грамотѣ 1785 года, кромѣ разныхъ актовъ о принадлежности къ шляхетству или къ дворянству, служили патенты на чины и *свидѣтельство двѣнадцати дворянъ о благородной жизни отца и дѣда* ищущаго дворянства (п. 12 ст. 92 двор. грам.). Разумѣется, послѣднее доказательство представлялось самымъ легкимъ. Добыть такое свидѣтельство отъ двѣнадцати сосѣдей, дворянство которыхъ передъ тѣмъ было удостовѣрено великорусскими чинами, было совсѣмъ не трудно. Затѣмъ относительно приобрѣтенія дворянскихъ правъ на основаніи чиновъ депутатскія собранія полагали, что всѣ чины малорусской старшины, начиная отъ значковыхъ товарищей, даютъ право на дворянство, а потому и записывали въ дворянскія книги всѣхъ, представлявшихъ патенты на какіе бы то ни было старшинскіе чины. При такой практикѣ депутатскихъ собраній были составлены первыя дворянскія книги, раздѣленные, согласно грамотѣ 1785 года, на шесть частей.

У насъ имѣется такая книга, составленная въ 1788 году, по Новгородсѣверскому намѣстничеству. Въ длинномъ перечнѣ цѣлыхъ сотенъ фамилій, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, мы читаемъ:

Лучинскій (села Спасскаго, Кролевецкаго уѣзда) — «чинъ имѣть войскового товарища; признанъ дворяниномъ по чину его, на который онъ представилъ патентъ, отъ его с-ва гр. К. Г. Разумовскаго ему данный».

Ляшенко (дер. Ляховой, Глуховскаго уѣзда), — «чинъ имѣть вознаго. Признанъ дворяниномъ по свидѣтельству 12-ти дворянъ, что дѣдъ и отецъ его, будучи шляхтичами, вели жизнь благородно и что и самъ онъ служить между знатымъ дворянствомъ по выбору общества дворянскаго вознымъ и имѣть состояніе благородное».

Орловскій (изъ х. Вязоваго, Глух. у.) — «чинъ имѣть войскового канцеляриста. Сей родъ имѣть благородное происхожденіе отъ прадѣда Захарія и дѣда Семена и отца Василия Орловскихъ, владѣвшихъ дворянскимъ имѣніемъ и продолжавшихъ службу, жизнь и состояніе благородное».

Назимки, братья, Павель и Владиміръ Михайловичи (м. Н. Млиновъ, Коропск. у.) — «признаны дворянами по представленному отъ ихъ 12-ти человекъ благородныхъ дворянъ свидѣтельству, что прадѣдъ ихъ Моисей и дѣдъ Федоръ — *Петренки* — были знатыми товарищами войсковыми, а отецъ Михайло названъ по малолѣтству Назимкомъ и велъ жизнь и состояніе съ дворянскимъ званіемъ сходственное».

Проскуровъ Никита (г. Конотопъ, гдѣ служить уѣзднымъ стряпчимъ). «Сей родъ имѣть свое происхожденіе отъ прапрадѣда его Федора, Кіевскимъ земскимъ писаремъ и посланникомъ на сеймъ, а прадѣда Ивана *Проскурова* въ 1674 году подчасимъ кіевскимъ бывшихъ, также дѣда Гаврила и отца Павла, службу и жизнь и состояніе благородно продолжавшихъ». — О какихъ либо документахъ, подтверждавшихъ такую древность рода Проскурова, разумѣется, не спрашивали, а вѣрили на слово.

Изъ этихъ примѣровъ видно, какими данными руководствовалось Новгородсѣверское дворянское собраніе, признавая дворянство за тѣми или другими лицами изъ мелкой старшины. Разумѣется, при такомъ снисходительномъ признаніи права дворянства, особенно по свидѣтельству 12-ти дворянъ, явилось множество лицъ, заявившихъ желаніе попасть въ дворянскіе списки. При тогдашней легкости перечисленія изъ мѣщанъ въ казаки, ничего не стоило богатому мѣщанину выхлопотать себѣ въ Глуховѣ «патентъ» на чинъ значковаго товарища, добыть затѣмъ «свидѣтельство 12-ти дворянъ» и такимъ образомъ стать дворяниномъ. Въ виду такого положенія дворянскаго вопроса, явилось множество претендентовъ на дворянство изъ числа записанныхъ по ревизіи 1782 года въ разрядъ подданныхъ. Отсюда, слѣдуетъ думать, явилась легенда о запискѣ въ подушный окладъ нѣсколькихъ тысячъ «дворянъ», которые затѣмъ

обратились къ высшему правительству съ ходатайствомъ о восстановленіи своихъ правъ. Несомнѣнно, что при ревизіи 1782 года эти претенденты были записаны крестьянами или казаками по дѣйствительной ихъ принадлежности къ этимъ сословіямъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ уже самая масса жалобщиковъ, недопускающая возможности, чтобы вся она была записана въ «подушной окладъ» подложно тѣмъ или другимъ лицомъ изъ старшины съ эгоистическими цѣлями. Повторяемъ, что если и случалась неправильная записка въ ревизію, то это обстоятельство могло имѣть мѣсто относительно лишь какой нибудь сотни лицъ, а *тысячи* жалобщиковъ—явились изъ того числа достаточныхъ лицъ, которыхъ, увидѣвъ, уже послѣ ревизіи, легкость условій для приобрѣтенія дворянства, вознамѣрились воспользоваться этою легкостью. Г. Миллеръ подробно рассказываетъ перипетіи искательства дворянства *нѣсколькихъ тысячъ* изъ числа подобныхъ претендентовъ, причемъ изъ нихъ сначала признаны были дворянами *2.2000 душъ* (!), а потомъ, послѣ новой повѣрки по распоряженію Сената, число это уменьшилось почти на половину. Исторія этихъ претендентовъ изъ «окладныхъ» представляетъ собою любопытный эпизодъ въ исторіи малорусскаго дворянства въ томъ отношеніи, что народное самосознаніе въ Малороссіи въ концѣ XVIII вѣка было настолько еще живо, что цѣлыя тысячи казаковъ считали за собою такое же право на причисленіе къ дворянскому сословію, какъ и ихъ чиновная старшина. Такимъ образомъ рядовое казачество еще и въ концѣ XVIII вѣка не считало себя обособленнымъ отъ своей старшины сословіемъ.

Продолжая засимъ разсказъ о дальнѣйшей запискѣ претендентовъ въ дворянскія книги, г. Миллеръ говоритъ: «постоянное вмѣшательство высшаго начальства въ дѣло, порученное депутатамъ, началось въ 1796 году. Съ этихъ поръ дворянскія собранія потеряли право окончательно рѣшать вопросъ о дворянствѣ того или другого лица, а должны были передавать дѣло на заключеніе герольдіи. Велѣдъ затѣмъ начато было сочиненіе общаго гербовника дворянскихъ родовъ Россійской имперіи, давшее герольдіи возможность подвергнуть фактическому контролю всю предыдущую дѣятельность депутатскихъ собраній. Правда, со вступленіемъ на престолъ Александра дворянская грамота была восстановлена во всей своей силѣ, но составленіе гербовника всетаки продолжалось, а стало быть продолжалось и вмѣшательство герольдіи въ дѣло, порученное собраніямъ». Г. Миллеръ не указываетъ, въ силу какихъ же именно обстоятельствъ герольдія получила право контролировать постановленія дворянскихъ собраній, а между тѣмъ установленіе этого контроля было тревожнѣйшимъ моментомъ въ заключительной исторіи малорусскаго дворянства. Случилось это такимъ образомъ. По указу 20-го Января 1797 года повелѣно было Сенату «составить общій дворянскихъ родовъ гербовникъ въ герольдіи». (П. Собр. Зак., т. XXIV, № 17749). Въ силу

этого указа Сенатъ распорядился, чтобы «губернскія правленія сдѣлали свое понужденіе собраніямъ губернскихъ предводителей дворянства и уѣздныхъ депутатовъ о скорѣйшемъ доставленіи въ герольдію книгъ разобраннѣмъ дворянскимъ родамъ по правиламъ жалованной дворянству, въ 1785 году, апрѣля въ 21 день, грамотою предписаннымъ». Кромѣ того, тѣ же губернскія правленія должны были дать знать черезъ дворянскихъ представителей *каждому дворянину* о представленіи въ герольдію «доказательства дворянскаго достоинства, родословной и герба». (Т. ж., № 17881). Вотъ съ этого то момента и началась сенатская по-
вѣрка дворянскихъ правъ тѣхъ лицъ, которыя въ это время давно уже считали свое дворянство несомнѣннымъ. Сначала герольдія относилась къ малорусскому дворянству очень благосклонно, говоритъ г. Миллеръ, но не долго, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ герольдія пришла къ заключенію, что «чины малороссійскихъ сотенныхъ и полковыхъ старшинъ — не могутъ быть признаваемы доказательствомъ дворянства, даже въ томъ случаѣ, если ихъ носители получили при отставкѣ табельные офицерскіе чины». «Впервые герольдія высказала такой своей взглядъ около (?) 1805 года, и съ этихъ именно поръ начались повальные отказы въ признаніи дворянскихъ правъ за лицами, доказывающими свое дворянство по чинамъ прежней малороссійской службы...» «Герольдія стала смотрѣть, продолжаетъ г. Миллеръ, на доказательства малороссійскихъ дворянъ съ чисто формальной точки зрѣнія: разъ въ законѣ нѣтъ положенія, чтобы чины малороссійской службы давали дворянство, то нѣтъ и основаній къ признанію за носителями этихъ чиновъ дворянскихъ правъ... Такова была точка зрѣнія герольдіи, основанная на буквальномъ пониманіи закона. Она была діаметрально противоположна тѣмъ взглядамъ, какіе прочно установились въ практикѣ малороссійскихъ дворянскихъ собраній... Однимъ словомъ герольдія признавала право на дворянство только за тѣми лицами, которыя имѣли великорусскіе чины, показанные въ табели о рангахъ, и притомъ когда эти чины были получены на дѣйствительной службѣ, а не при отставкѣ. Герольдія была права, потому что свое мнѣніе основывала на ясномъ законѣ, тогда какъ депутатскія собранія, равняя чины малороссійской службы съ табельными чинами, нарушали этотъ самый законъ...»

Заключеніе герольдіи о значеніи малороссійскихъ чиновъ въ вопросѣ о правѣ на дворянство — вызвало общее неудовольствіе среди малорусскаго общества. «Большинство малорусскаго дворянства было глубоко возмущено дѣйствіями герольдіи», говоритъ г. Миллеръ. «Въ отрицаніи благородства малороссійскихъ чиновъ дворяне видѣли не только нарушеніе своихъ личныхъ интересовъ, но и оскорбленіе своего патріотическаго чувства... Негодованіе среди дворянства было общее...» (стр. 96). Дѣйствительно, вопросъ о дворянствѣ, съ которымъ былъ тѣсно связанъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ на крестьянъ, былъ вопросъ

острый. Неудивительно поэтому, что вся малорусская интеллигенція, увидѣвъ прямолинейную практику герольдіи, всполошилась и подняла на ноги знатоковъ мѣстной исторіи, ища у нихъ защиты. Защита должна была заключаться въ разъясненіи предъ высшимъ правительствомъ историческаго значенія малороссійскихъ чиновъ, которые де ничуть не ниже чиновъ табельныхъ и потому одинаково съ послѣдними должны давать право на дворянство. Явились мѣстные историки-публицисты, которые, послѣ изученія вопроса по всякаго рода историческимъ документамъ, исписали много бумаги въ видѣ «записокъ» и «мнѣній», причемъ въ послѣднихъ представлялись «неопровержимыя» доказательства историческаго значенія бывшей малорусской старшины. Главными дѣятелями въ этой тревогѣ были: В. Г. Полетика, В. В. Чарнышъ (Полтавскій губернскій маршалъ), Р. И. Марковичъ (генеральный судья?), какой-то Калинскій, статскій совѣтникъ Фед. Ос. Туманскій ¹⁾ и, наконецъ, большой начетчикъ во всякаго рода историческихъ бумагахъ и сочиненіяхъ о Малороссіи — А. И. Чепа. «Записка» В. Г. Полетики напечатана нѣсколько лѣтъ назадъ (Кіевск. Стар. 1893 г. Янв.), содержаніе записки Калинскаго («Примѣчаніе о малороссійскомъ дворянствѣ») изложено г. Миллеромъ (стр. 117—121), а «записка» Чепы напечатана въ этомъ году (Кіевск. Стар. 1897 г. Апр. и Май). Много было потрачено при этомъ труда на историческое изученіе вопроса, много потрачено было и краснорѣчія для убѣжденія высшаго правительства въ правильности домогательства, но ближайшее знакомство со всею этой литературой возбуждаетъ въ читателѣ не какое-либо почтеніе къ патріотизму историковъ-публицистовъ, а возстановляетъ въ памяти такую же горячку, возбужденную нѣкогда наказнымъ гетманомъ Подуботкомъ вслѣдствіе притѣсненій малорусской старшины Вельяминовымъ... Ужъ очень явственны въ этихъ «запискахъ» одни узкіе сословные интересы, при которыхъ, какъ видно, не могло быть мѣста какой-либо заботѣ объ интересахъ другого, болѣе многочисленнаго сословія... Какъ уже сказано, результатомъ всѣхъ этихъ домогательствъ былъ законъ 20 марта 1835 года, которымъ нѣкоторые малороссійскіе чины признаны дающими право на дворянство. Подробнымъ перечнемъ искательствъ и домогательствъ потомковъ бывшей старшины о расширеніи путей къ достиженію дворянства и заканчивается первая монографія г. Миллера — о «превращеніи казакской старшины въ дворянство».

Прослѣдивъ содержаніе монографіи объ исторіи малорусскаго дворянства, мы указали въ ней нѣкоторый пробѣлъ, состоящій въ томъ, что г. Миллеръ лишь слегка коснулся положенія малорусской старшины въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, т. е. того времени, когда мало-

¹⁾ Его «Записка», помѣченная 18 мая 1809 года, находится въ б-кѣ Кіевскаго университета, куда поступила изъ собранія Судьенка.

русская старшина именно и слагалась въ особую общественную группу. Вслѣдствіе этого пробѣла остались не вполне объясненными и тѣ причины, которыя помогли быстрому обособленію старшины. Быть можетъ, вслѣдствіе этого пробѣла г. Миллеръ пришелъ къ неправильному, по нашему мнѣнію, выводу, что будто бы малорусскій «привилегированный классъ» «зародился самъ, безъ внѣшнихъ причинъ». — Повидимому, малорусскій демократизмъ былъ побужденъ съ одной стороны польскими традиціями, а съ другой стороны и воздѣйствіемъ Московскаго правительства, награждавшаго уже въ 60-хъ годахъ XVII вѣка казакскую старшину деревнями «со крестьяны». Само собою разумѣется, что этому внѣшнему воздѣйствію сильно помогли условія мѣстной общественной жизни: легко нажитое старшиною богатство и то образованіе, о которомъ она стала заботиться уже въ концѣ XVII вѣка и которое въ первой половинѣ XVIII вѣка было уже настолько распространено въ средѣ ея, что съ этого времени старшина имѣла полное право называться образованнымъ обществомъ. Разумѣется, недостаточность свѣдѣній въ монографіи г. Миллера о малорусской старшинѣ до половины XVIII вѣка зависѣла главнымъ образомъ отъ недостаточности печатныхъ источниковъ, хотя нѣкоторыя свѣдѣнія по сему предмету въ научномъ обиходѣ уже имѣются. Но если замѣтенъ пробѣлъ въ первой части монографіи г. Миллера о дворянствѣ, то за то вторая часть ея — исторія исканія дворянства и осуществленіе этого исканія — изложена г. Миллеромъ настолько обстоятельно, что даетъ полную картину со всеми подробностями одного изъ любопытныхъ моментовъ въ исторіи малорусской интеллигенціи, когда она, почувствовавъ критическій моментъ, напрягла все усилія, чтобы стать въ ряды сословія, имѣвшаго права на крѣпостной крестьянскій трудъ. При оцѣнкѣ второй части монографіи о дворянствѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что здѣсь г. Миллеръ работалъ почти исключительно по матеріаламъ архивнымъ, такъ какъ предшествующій по этому вопросу трудъ А. М. Марковича отличается краткостью.

II.

Суды земскіе, городскіе и подкоморскіе въ XVIII вѣкѣ.

Исторія судоустройства и судопроизводства въ старой Малороссіи до сихъ поръ не подвергалась изученію, а между тѣмъ несомнѣнно, что вопросъ о положеніи суда въ странѣ служить наилучшимъ показателемъ ея культуры. По этому одному очеркъ г. Миллера, имѣющій предметомъ суды старой Малороссіи (впрочемъ только позднѣйшаго устройства), представляетъ особый интересъ. Центръ этого очерка заключается

въ исторіи судебной реформы 1763 года, когда въ лѣвобережной Малороссіи были учреждены статутные (земскіе, городскіе и подкоморскіе) суды, и затѣмъ разсказъ о томъ, какъ эта реформа приводилась въ исполненіе. Но такъ какъ реформа 1763 года можетъ быть правильно освѣщена только въ связи съ состояніемъ судовъ въ Малороссіи въ предшествовавшее время, то г. Миллеръ нашелъ необходимымъ предпослать своему изслѣдованію очеркъ состоянія судовъ въ періодъ гетманщины, причемъ отчасти коснулся и «устройства судебной части въ лѣвобережной Малороссіи до 1648 года». По этому поводу авторъ говоритъ, что «до 1648 года судоустройство въ лѣвобережной Малороссіи слагалось по типу другихъ частей Рѣчи Посполитой», и затѣмъ продолжаетъ, что тогдашніе суды состояли изъ судовъ земскаго, городскаго и подкоморскаго и что апелляціонною инстанціею для жалобъ на рѣшенія этихъ судовъ былъ трибуналь Люблинскій. Затѣмъ говорится о мѣщанскихъ судахъ въ городахъ, о казацкомъ судѣ, о судѣ духовенства и наконецъ о судебной защитѣ «низишихъ классовъ общества». Но польскіе порядки, по части судопроизводства, были уничтожены, говоритъ г. Миллеръ, и «шляхетскіе суды закрылись»... Едва ли однако все это было такъ, какъ говоритъ г. Миллеръ объ «устройствѣ судебной части» до 1648 года. Разсказывать, какъ «слагалось устройство судебной части на лѣвомъ берегу Днѣпра до 1648 года», трудно, вслѣдствіе крайняго недостатка по этому вопросу свѣдѣній. Нѣсомнѣнно однакоже, что никакихъ шляхетскихъ судовъ въ южной (степной) Малороссіи до 1648 года не было. Да некому и не для кого ихъ тамъ было и устраивать, такъ какъ вся шляхта, жившая въ южной части лѣвобережной Малороссіи, состояла изъ служилого люда у тогдашнихъ тамошнихъ владѣльцевъ — магнатовъ Вишневецкихъ, Острожескихъ, Конецпольскихъ, Жолкѣвскихъ и проч. А если случалось судиться самимъ магнатамъ, то они, повидимому, обращались непосредственно въ Люблинскій трибуналь¹⁾. Статутные суды для южной и восточной полосы лѣвобережной Малороссіи должны были находиться въ Кіевѣ, потому что она входила въ составъ Кіевского повѣта²⁾. Не было, повидимому, статутныхъ судовъ и въ сѣверной лѣвобережной Малороссіи, т. е. въ Черниговщинѣ и Стародубщинѣ. Черниговское воеводство учреждено было только въ 1635 году, послѣ «рекупераціи» сѣверной провинціи, согласно Деулинскому перемирію, причемъ воеводство это раздѣлено было на два повѣта — Черниговскій и Новгородъ-Сѣверскій³⁾. Значитъ, статутные суды должны были находиться въ этихъ двухъ городахъ, но никакихъ свѣдѣній ихъ не встрѣчается. Весьма вѣроятно, что до 1648 года суды эти еще не были и открыты.

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1896 г. Январь, 122.

²⁾ См. Zródła Dziejowe, XXII, 30 и слѣд.

³⁾ Starożytna Polska, т. 2, ч. 2, 1390.

Относительно Стародубщины слѣдуетъ сказать тоже самое: послѣ Деулинскаго перемирія здѣсь образованъ былъ Стародубскій повѣтъ, входившій въ составъ воеводства Смоленскаго ¹⁾, но и въ этомъ повѣтѣ статутные суды едва ли были открыты до 1648 года, потому что опять таки никакихъ слѣдовъ ихъ и здѣсь не приходилось встрѣчать. Поэтому слѣдуетъ думать, что лѣвобережная Малороссія, въ силу сложившихся историческихъ обстоятельствъ, статутныхъ судовъ вовсе не знала. Едва ли былъ въ ней и «самостоятельный казацкій судъ», о которомъ говоритъ г. Миллеръ на основаніи напечатаннаго В. Б. Антоновичемъ «приказа» гетмана Дмитрія Барабаша ²⁾. Дѣйствительно въ актѣ этомъ, отъ имени гетмана, говорится, что одинъ изъ обывателей Переяславскихъ жаловался «до рады нашею зуполное» на сосѣдей своихъ за земельный захватъ, но что это была за «рада» — никакихъ указаній у насъ не имѣется и потому трудно дѣлать на основаніи этого одного акта какія-либо обобщенія, особенно для всей лѣвобережной Малороссіи. О сословномъ судѣ для духовенства — никакихъ свѣдѣній мы не встрѣчаемъ, и повидимому не для кого и некому было учреждать его въ это время на лѣвомъ берегу. Существовать здѣсь только одинъ ратушный судъ въ мѣстечкахъ («городкахъ»). Главенствовали въ этихъ судахъ «намѣстники» владѣльцевъ-магнатовъ, при участіи войта и бурмистровъ. Утверждая въ 1636 году за чигриндубровскими мѣщанами разныя права и льготы, Іеремія Вишневецкій говоритъ: что же касается «Майдебургскаго права и какой доходъ долженъ получать при этомъ тамошній мой намѣстникъ, то *всякій судъ намѣстнику моему оставляю*, войта и буймистра, яко и въ иныхъ городахъ моихъ отъ суда не отдавая, которымъ грошъ третій долженъ ити» ³⁾... Изъ сохранившихся рѣшеній ратушныхъ судовъ первой половины XVII вѣка видно, что «намѣстники» или старосты въ ратушныхъ судахъ предсѣдательствовали рѣдко, а большею частью судъ творился подъ главенствомъ войта, при участіи бурмистровъ и «райцевъ» ⁴⁾. Такимъ образомъ статутные суды въ лѣвобережной Малороссіи въ первой половинѣ XVII вѣка — почти утвердительно можно сказать — не существовали. Не было ихъ здѣсь и во второй половинѣ того же вѣка, какъ справедливо оспариваетъ г. Миллеръ противное тому показаніе Шафонскаго и Гр. Полетики. Послѣдній категорически говоритъ: «земскіе и гражданскіе суды при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, Иванѣ Выговскомъ и Юріѣ Хмельницкомъ были и должность свою самымъ дѣломъ отправляли, что я могу утвердить ясными доказательствами»... Какъ ни категорично это показаніе, тѣмъ не менѣе оно сочинено, — причемъ Полетика, должно быть,

¹⁾ Тамъ же, III, 590.

²⁾ Киевск. Стар., 1883 г., Май, 140—145.

³⁾ Чтенія въ Общ. Нестора Лѣт. XI, отд. 2-е, стр. 144.

⁴⁾ См. Мѣст. Борисполе, А. В. Стороженко, Акты подъ №№ 3, 6, 10, 22, 50 и друг. Киевск. Стар. 1892 года.

соблазнилися тѣмъ пунктомъ «статей» 1654 года, гдѣ говорится, что «суды земскіе и городскіе черезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами (шляхта) себѣ добровольно оберутъ, исправлены быть имѣють, какъ и прежде сего». Но этотъ пунктъ «статей» остался мертвою буквой, и статutowыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи не было до конца XVIII вѣка. Какой же судъ былъ здѣсь до этого времени? — Первымъ пунктомъ «статей» 1654 года было постановлено о сохраненіи «вольностей войсковыхъ», что «своими правами суживалися», чтобъ «ни воевода, ни бояринъ въ суды войсковыя не вступался, но отъ старѣйшихъ своихъ чтобы товарищество сужены были: *идѣ три челоуька казаковъ, тогда два третьяю должныя судити*». Но такого суда не было... Повидимому, дипломатія «Войска Запорожскаго» включила въ «статьи» это свѣдѣніе, чтобы обезпечить въ будущемъ полную свободу суда, причемъ указанная форма послѣдняго, можетъ быть, и практиковалась на Запорожьѣ. Но въ 1654 г. судъ уже былъ устроенъ въ «Войскѣ Запорожскомъ», потому что въ 10 пунктѣ Переяславскихъ «статей» постановлено — давать жалованье «на судей войсковыхъ по 300 злотыхъ польскихъ, а на писаря судейскаго по 100 злотыхъ» ¹⁾. Нѣтъ точныхъ свѣдѣній, какіе именно суды существовали въ это время, но слѣдуетъ думать, что былъ генеральный судья, а затѣмъ и полковые. Наиболѣе ранній изъ извѣстныхъ намъ судебныхъ актовъ (1656 г.) называетъ полковаго судью Нѣжинскаго полка и «писаря судейскаго» ²⁾. Такимъ образомъ въ началѣ второй половины XVII вѣка казачій судъ на лѣвомъ берегу Днѣпра уже существовалъ въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ. Продолжалъ существовать въ это время и судъ ратушный, причемъ въ послѣдній стала мѣшаться, по изгнаніи разныхъ «намѣстниковъ» и «старостъ», и казацкая старшина. Г. Миллеромъ указанъ (стр. 7) актъ Бориспольскаго ратушнаго суда 1649 года, изъ котораго видно, что въ послѣднемъ участвуетъ уже и мѣстный сотникъ на ряду съ ратушными урядниками.

Приступая затѣмъ къ очерку «казацкихъ судовъ», г. Миллеръ предпосылаетъ такое замѣчаніе: «говорить подробно объ этомъ вопросѣ не входитъ въ предѣлы нашей задачи, къ тому же и самъ вопросъ — вопросъ темный и трудный», почему — продолжаетъ авторъ — «мы и ограничимся не многимъ». Несомнѣнно, что при томъ скудномъ матеріалѣ, какой до сихъ поръ обнаруженъ по предмету «казацкаго» судопроизводства въ старой Малороссіи, вопросъ о послѣднемъ теменъ, но для правильной оцѣнки судебной реформы 1763 г. необходимо ближайшее изученіе судебныхъ порядковъ, предшествовавшихъ этой реформѣ, такъ какъ безъ этого не можетъ быть правильно объяснена и потребность въ замѣнѣ прежнихъ

¹⁾ Собраніе госуд. грамотъ и договор., III, 507 и Ист. Мал. Россіи, Бант.-Каменскаго, изд. 1822 г., I, 117—119.

²⁾ См. прилож. I.

судовъ новыми. Ближайшее знакомство съ «казацкимъ» судомъ указываетъ въ его исторіи два періода: первый, до учрежденія Малороссійской коллегіи въ 1722 году и второй—до 1764 года. О каждомъ изъ этихъ періодовъ скажемъ отдѣльно въ дополненіе къ тому, что находимъ у г. Миллера. Г. Миллеръ указываетъ слѣдующіе суды или «инстанціи»: судъ сельскій, особый у казаковъ и особый у посольства, судъ сотенный, совмѣстный для обоихъ сословій, затѣмъ судъ полковой и наконецъ—генеральный. Конечно сельскій судъ существовалъ, но опредѣлить его юрисдикцію невозможно, потому, что предѣлы таковой зависѣли отъ множества условій, между которыми важнѣйшимъ должно было быть мѣстонахожденіе того села, гдѣ судъ творился. Тамъ, гдѣ казачій элементъ въ населеніи преобладалъ, тамъ и сельскій судъ имѣлъ значительное примѣненіе, а въ селахъ, гдѣ было больше крестьянъ, да еще къ тому, если тутъ же жилъ и державца или важный урядникъ, тутъ суду сельскому, суду громады—мало было мѣста. Отправленіе правосудія доставляло доходъ, этимъ доходомъ дорожили всѣ, кому доставалось судить, а сотникъ и державца, пользуясь своею властью, безъ труда могли обѣлять виновнаго и тѣмъ привлекать ихъ къ своему суду. Судъ громады тоже былъ не безкорыстенъ. Есть достовѣрное свидѣтельство начала XVIII вѣка, что тутъ подкупъ «могорычемъ», какъ и въ позднѣйшее время, имѣлъ большое значеніе. Въ сельскомъ судѣ первенствовали, разумѣется, атаманъ и войтъ, смотря по тому, кто судился. Сельскому суду подвѣдомы были несомнѣнно лишь мелкія кражи и незначительные ущербы въ поляхъ и дѣсахъ. Но кромѣ суда на обязанности этихъ урядниковъ лежало еще—первоначальное слѣдствіе по жалобѣ потерпѣвшаго, обязанность сохранить слѣды преступленія и задержать обвиняемаго. Никакой опредѣленной формы сельскій судъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть при безграмотности судей. «Сельскимъ судамъ принадлежало, говоритъ г. Миллеръ, право актованія всякихъ договоровъ и сдѣлокъ, записываніе въ свои книги протестовъ, совершеніе купчихъ» и проч. Дѣйствительно при совершеніи разнаго рода юридическихъ актовъ сельскій урядъ съ «могорычниками» присутствовалъ для свидѣтельства правильности такого совершенія, но актикации при этомъ не совершалось, потому что некому и негдѣ (книгъ не было) было производить записку актовъ. Говоримъ такъ потому, что намъ никогда не случалось встрѣчать актовъ, совершенныхъ при участіи сельского уряда, которые бы указывали ихъ «актикацію».—Послѣ суда сельского, «слѣдующей инстанціей былъ сотенный судъ», говоритъ г. Миллеръ. Трудно говорить объ инстанціяхъ тамъ, гдѣ потерпѣвшій приносилъ жалобу обыкновенно ближайшей власти, такъ что, напр., въ полковомъ городѣ потерпѣвшіе жаловались не какому нибудь сотенному суду, а непосредственно полковому. Сотенный судъ обыкновенно дѣйствовалъ совмѣстно съ ратушнымъ, какъ это говоритъ и г. Миллеръ, но общаго правила тутъ не было. Замѣтно только, что въ

старинныхъ мѣстечкахъ ратушный судъ нерѣдко судить и безъ участія сотника ¹⁾, но въ мѣстечкахъ новыхъ и незначительныхъ—власть войта не имѣла никакого авторитета и здѣсь безъ участія сотника правосудіе не отправлялось.—Опредѣлить компетенцію сотенныхъ судовъ почти невозможно: по уголовнымъ дѣламъ, напр., сотенный судъ выслушивалъ жалобу потерпѣвшаго, производилъ слѣдствіе, но самъ рѣшалъ дѣло рѣдко, такъ какъ сотники окончательное рѣшеніе предоставляли усмотрѣнію полковниковъ. Такіе случаи особенно часты въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ полковникъ могъ извлечь изъ суда хорошую прибыль, напр. при обвиненіяхъ въ прелюбодѣянніи. Эти дѣла для судей были особенно выгодны. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. «Челядница» келебердянского жителя, какого-то Дмитра (повидимому не казака, иначе сословіе его, вѣроятно, было бы названо), пожаловалась сотенному уряднику на изнасилованіе ея хозяиномъ. Сотенный урядъ (сотникъ и атаманъ) арестовалъ какъ потерпѣвшую, такъ и обвиняемаго, причемъ, описавъ подробно «худобу» послѣдняго, донесъ о жалобѣ «челядницы» полковнику съ приложеніемъ списка имущества и просилъ «милостиваго пана и добродѣя о науку»—какъ поступить съ «чужеложникомъ»?—Какой же отвѣтъ далъ полковникъ?—«За проступство помененнаго Дмитра взято до двора полковничаго: пять воловъ, лошака (молодую лошадь) и ружье съ рогомъ для пороху», а сотникъ Келебердянский, со всѣмъ тамошнимъ урядомъ, по позволенію полковника, взялъ: два быка, 22 овцы и «жупанъ синій», «а остатокъ худобы его, проступца (преступника), зоставленъ его дѣтямъ» ²⁾. Въ другомъ случаѣ, сотенный урядъ совмѣстно съ войтомъ и многими «людьми учтивыми» (почтенными), выслушавъ жалобу соблазненной сокольскимъ мѣщаниномъ (?) Гончаренкомъ вдовы, постановилъ: жалобу потерпѣвшей записать, пока по жалобѣ состоится надлежащее (слухный) изслѣдованіе (доводъ). Затѣмъ въ рѣшеніи (?) значится: «за тое чужеложство самъ Процикъ Гончаренко (отецъ обвиняемаго), вызволяючи сына своего Семена, привель коня и отдавъ до двора полковничаго». Послѣдній актъ мы беремъ изъ книги рѣшеній полковаго суда, изъ чего можно думать, что полковникъ, получивъ отъ сотеннаго уряда донесеніе о преступленіи Гончаренка, ограничился тѣмъ, что взялъ у отца обвиняемаго лошадь и тѣмъ кончилъ судъ, причемъ, для освобожденія обвиняемаго отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, распорядился записать актъ въ книгу рѣшеній полковаго суда ³⁾. Отсутствіе самостоятельности у сотеннаго суда видно и изъ слѣдующаго случая: нѣсколько жителей м. Бѣликовъ, поймавъ вора, укравшаго ихъ лошадей, пчелы и проч., Педорченка, представили его сотенному уряду для ареста и въ тоже время обрати-

¹⁾ См. Рѣшенія Бориспольскаго мѣйскаго уряда.

²⁾ См. прилож. II.

³⁾ См. прилож. III.

лись въ Полтавскій магистратъ съ просьбою выслать въ Бѣлики для разбора ихъ дѣла „якую особу“, а вмѣстѣ съ нимъ и палача («мистра»). Но этой просьбѣ изъ Полтавы быть высланъ въ Бѣлики одинъ изъ полтавскихъ бурмистровъ, который и судилъ Педорченка вмѣстѣ съ Бѣлицкимъ урядомъ и «иными значными старинными Бѣлицкими людьми». Обвиняемый былъ сначала пытанъ (палачемъ) и, послѣ признанія, былъ приговоренъ сотеннымъ урядомъ, на основаніи розд. 14 литовскаго статута, къ повѣшенію. Бурмистръ, повидимому, согласился на повѣшеніе Педорченка, но вслѣдъ за симъ въ судъ явилась мать осужденнаго и заявила, что если сынъ будетъ помилованъ, то она пополнитъ все убытки потерѣвшихъ. Вопросъ о помилованіи не могъ разрѣшить сотенный урядъ даже съ помощью полтавскаго бурмистра, и представилъ все дѣло на усмотрѣніе полковника. Послѣдній нашель возможнымъ «подарить преступника жизнью» и освободилъ его «на покаяніе», но за это взялъ у матери водяныя мельницы и лѣсъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что сотенный урядъ не могъ самостоятельно рѣшать дѣла по преступленіямъ, которыя влекли за собою смертную казнь, но могъ рѣшать такіе дѣла при участіи члена высшаго суда, хотя бы и магистратскаго. Но затѣмъ право помилованія могло исходить только отъ высшей власти въ полку ¹⁾. Изъ другихъ рѣшеній сотеннаго суда мы видимъ, что послѣдній теряетъ всякую самостоятельность, какъ только кто-нибудь изъ важной старшины имѣеть тотъ или другой поводъ вмѣшаться въ составъ этого суда. Характерные примѣры въ этомъ отношеніи мы видимъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ Борзенскаго сотеннаго уряда. Почти съ начала второй половины XVII вѣка борзенскими сотниками были стародавніе борзенскіе обыватели Забѣлы. Глава этой семьи, бывший Борзенскій сотникъ, впоследствии сталъ генеральнымъ судьей и, казалось бы, въ это время не могъ уже входить въ составъ сотеннаго уряда; тѣмъ не менѣе по незначительному гражданскому дѣлу (о восьми овцахъ) въ составъ сотеннаго уряда входитъ и генеральный судья ²⁾. Это не былъ исключительный случай, такъ какъ, 12 лѣтъ спустя послѣ этого, въ составъ того же сотеннаго уряда входитъ сынъ Петра Забѣлы, Степанъ Забѣла, будучи въ это время тоже генеральнымъ судьей ³⁾. Затѣмъ приводимъ изъ практики сотеннаго суда еще одинъ случай, гдѣ рѣчь идетъ объ убійствѣ. Сотенный урядъ, выслушавъ дѣло по обвиненію Пелагеи Плющенковой въ убійствѣ ея «наймычки», постановилъ: представить обстоятельства дѣла генеральному суду, добавивъ, что между отцомъ убитой и убійцею состоялось примиреніе. Не смотря однакожь на примиреніе, генеральный судъ приговорилъ убійцу къ тюремному заключенію на годъ

¹⁾ См. прилож. IV, 1011. XIV. жовтня. м.О. (2)

²⁾ См. прилож. V, 1040. 170071—8881

³⁾ См. прилож. VI. листопада 1718 року

и шесть недѣль или къ уплатѣ суду генеральному такой суммы, «какая заплачена отцу убитой». Какъ видно, преступника принадлежала къ зажиточной семьѣ, которая и поспѣшила настолько удовлетворить генеральный судъ, что послѣдній приказалъ Борзенскому уряду засимъ Плющенковой уже не беспокоить ¹⁾... Сотенные суды, по видимому, не дѣлали различія между сословіями, разбирая одинаково дѣла какъ казаковъ, такъ и посполитыхъ. Даже и по гражданскимъ дѣламъ, гдѣ обѣ стороны принадлежать исключительно къ числу «ратушныхъ подданныхъ», въ составѣ суда участвуетъ сотникъ, а между тѣмъ дѣло происходитъ въ полковомъ городѣ Переяславѣ, войтъ котораго по своему значенію былъ выше тамошняго сотника ²⁾.

На основаніи приведенныхъ примѣровъ можно пока сказать, что сотенный судъ не имѣлъ самостоятельности, по крайней мѣрѣ, по дѣламъ уголовнымъ и находился въ полной зависимости отъ старшинъ вообще и отъ своего полковника въ особенности. «Широкая компетенція» сотеннаго суда, о которой говоритъ г. Миллеръ (стр. 10), была условная: судъ могъ разбирать указываемыя дѣла, но постановленіе окончательныхъ рѣшеній по многимъ дѣламъ зависѣло не отъ него. Участіе громады («старинные, зацные люди») въ рѣшеніяхъ сотеннаго уряда встрѣчается, но не составляетъ непремѣннаго условія.—Переходя къ полковому суду, слѣдуетъ сказать, что, какъ видно изъ цѣлаго ряда рѣшеній Полтавскаго полкового суда за вторую половину XVII вѣка, этотъ судъ дѣйствовалъ всегда совмѣстно съ членами ратуши, что онъ большею частью дѣйствовалъ въ качествѣ первой инстанціи, очень часто руководствуясь матеріалами, собранными и представленными ему сотеннымъ урядомъ, и что на тотъ или другой исходъ дѣла полковникъ имѣлъ рѣшающее вліяніе. Какъ видно, полковники ревниво оберегали свое вліяніе на судъ, имѣя въ виду тѣ значительные доходы, которые они при этомъ получали, главнымъ образомъ, по дѣламъ уголовнымъ. При примѣненіи, напр., принадлежащаго полковнику права помилованія, случалось, что, помиловавъ преступника, да еще и убійцу, полковникъ бралъ его затѣмъ къ себѣ въ «доживотную службу» ³⁾. Участіе въ составѣ полкового суда «зацныхъ персонъ» вмѣстѣ съ «урядовыми» было, повиди-

¹⁾ См. прилож. VII. Въ этомъ приложеніи—даты видимо ошибочны: постановленіе сотеннаго уряда состоялось раньше 29 мая, если послѣднее письмо Вуяхевича написано 28 мая. Въ этомъ актѣ интересно участіе въ составѣ сотеннаго уряда—«высланнаго зъ Батурина» Сухини, что могло означать, что высланъ былъ особый урядникъ, отъ гетмана для наблюденія за дѣйствіями сотеннаго уряда по дѣлу, которое обращало на себя вниманіе хорошими недостатками обвиняемой...

²⁾ См. прилож. VIII.

³⁾ Помѣщаемъ въ *Приложеніяхъ* шесть рѣшеній Полтавскаго полкового суда (1683—1700 гг.), дающихъ довольно полное понятіе о положеніи тогдашняго правосудія по дѣламъ уголовнымъ.

тому, непремѣннымъ условіемъ какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ ¹⁾.

Генеральный судъ въ XVII вѣкѣ рѣдко когда дѣйствовалъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи; большею частью онъ рѣшалъ тѣ дѣла, которыя въ немъ и начинались. Очень часто генеральный судъ производилъ дѣла по жалобамъ, которыя подавались непосредственно гетману и затѣмъ передавались сюда для разбора. Генеральный судъ былъ единоличный: судилъ одинъ генеральный судья при участіи «судового писаря». Въ концѣ XVII вѣка этотъ составъ очень часто пополнялся извѣстнымъ дѣльцомъ того времени, бывшимъ «судовымъ писаремъ», Захаромъ Шійкевичемъ, который присутствовалъ, повидимому, въ качествѣ совѣщательнаго члена. Но въ чрезвычайныхъ случаяхъ составъ суда назначался по усмотрѣнію гетмана изъ разнаго чина старшинъ. «Повидимому, чѣмъ важнѣе было дѣло, тѣмъ больше лицъ привлекалось къ разбору его», говоритъ г. Миллеръ, причемъ указываетъ на рѣшеніе суда по обвиненію полковника Дмитрашка въ измѣнѣ. Но это дѣло судилъ не генеральный судъ, а совсѣмъ особый судъ, какъ видно, по важности дѣла нарочно для этого назначенный гетманомъ, причемъ въ составъ его генеральнаго судьи вовсе не было. Иногда гетманъ назначалъ особаго состава судъ и по дѣламъ обыденнаго характера; это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда судились особо важныя лица. Такъ въ 1689 году Мазепа поручилъ войсковому товарищу Захару Шійкевичу разобрать земельный споръ между Макасовскимъ монастыремъ, игуменомъ котораго былъ въ это время извѣстный Феодосій Гугуревичъ, и жителями м. Мены; при этомъ Шійкевичу были приданы въ помощь три человека изъ полковой старшины ²⁾. Бывали случаи, что гетманъ лично постановлялъ судебное рѣшеніе по тому или другому дѣлу, изслѣдовавъ его обстоятельства чрезъ особо назначенную старшину. Такимъ порядкомъ былъ разрѣшенъ споръ между «п. Григоріемъ Павловичемъ» и сыновьями бывшаго Полтавскаго полковника Черняка за водяныя мельницы на рѣкѣ Ворсклѣ. По жалобѣ «Григорія Павловича» былъ посланъ на мѣсто спора Гадячкій полковой судья Велецкій, съ четырьмя другими чиновниками, который, осмотрѣвъ спорную «греблю» и допросивъ свидѣтелей, весь собранный матеріалъ представилъ гетману, а гетманъ, разсмотрѣвъ обстоятельства спора, рѣшеніе свое заявилъ въ формѣ универсала ³⁾. Особое вниманіе Мазепы къ этому дѣлу объясняется тѣмъ, что истцомъ здѣсь былъ Григорій Павловичъ Герцикъ, братъ жены гетманскаго любимца Орлика, который весною этого года (1700 г.) поставленъ былъ генеральнымъ писаремъ на мѣсто Кочубея.

¹⁾ См. прилож. X, указывающее, между прочимъ, и порядокъ процесса по земельнымъ дѣламъ.

²⁾ Чтенія въ Общ. Нест. Лѣт., IV, отд. 3, стр. 115—126.

³⁾ См. прилож. XI.

Вмѣстѣ со свѣдѣніями о судоустройствѣ въ XVII вѣкѣ слѣдовало, намъ кажется, сказать и о тѣхъ законахъ, которыми руководствовались «казацкіе» суды, при постановленіи своихъ рѣшеній. Приводимые г. Миллеромъ отрывки изъ судебныхъ рѣшеній Бориспольскаго уряда указываютъ, что уже съ начала второй половины XVII вѣка (1660 г.) примѣняются Литовскій Статутъ и такъ называемое «Магдебургское право». Эти два кодекса исключительно и проходятъ по всѣмъ судебнымъ рѣшеніямъ XVII вѣка. При этомъ суды, какъ сотенные, такъ и полковые, не стѣсняются примѣнять въ дѣлахъ уголовныхъ самыя суровыя наказанія. Такъ Бориспольскій урядъ за кражу лошадей приговариваетъ (1660 г.) воровъ къ смертной казни, причемъ, впрочемъ, не видно, было ли рѣшеніе приведено въ исполненіе. Но полковой судъ примѣнялъ смертную казнь до конца XVII вѣка и даже позже; такъ, въ 1699 году, въ Стародубѣ свекоръ и невестка за прелюбодѣяніе были «стѣты», т. е. казнены ¹⁾, а въ началѣ XVIII вѣка гадяцкій житель Коники за кражу въ церкви былъ «по суду спаленъ» ²⁾. Назначаемая по закону смертная казнь иногда замѣнялась лишеніемъ какого нибудь члена тѣла. Въ 1722 году воръ Романенко показалъ передъ Нѣжинскимъ полковымъ судомъ, что онъ, будучи пойманъ въ Сумахъ съ поличнымъ, «отданъ былъ до секвестру» и затѣмъ былъ пытанъ «кнотовымъ боемъ», послѣ чего, по рѣшенію суда, «означенъ врѣзанемъ уха и за мѣсто (за городъ) катомъ выгнанъ». Затѣмъ этого Романенка, пойманнаго вторично на воровствѣ, судилъ Нѣжинскій полковой судъ, который, «стосуячися до права посполитого злочинцовъ такихъ карати повелѣвающаго», разсудилъ, что «хочай онъ, Романенко, достоинъ былъ смертнаго карани, еднакъ же для молодыхъ лѣтъ его, надбючися, же можетъ покаяться, (судъ Романенка) животомъ даровалъ и всказалъ перше кіями до полусмерти на мосту бить, а потомъ, означивши его, Романенка, урѣзаніемъ носа, мистромъ зъ мѣста вигнати» ³⁾. Въ то же время и пытка (*квестія*) въ тогданнемъ судѣ широко практиковалась. «Мистръ» (палачъ) имѣлся при каждомъ полковомъ судѣ, откуда его вызывали на мѣсто производства слѣдствія, если требовалось пытать обвиняемаго ⁴⁾.

¹⁾ См. прилож. IX, Г. Въ одномъ рѣшеніи 1692 года значится, что преступникъ, въ Стародубѣ, былъ «мечемъ зтатый».

²⁾ Архивъ Генер. Канцел., по Чернигов. описи № 4170.

³⁾ Тамъ же, № 191.

⁴⁾ Около 1730 года палачъ Гадяцкаго полка жаловался на своего полковника Гавриила Милорадовича за взятку: «я, житель города Гадяча, жалобу мою заночу на благороднаго г. полковника Гадяцкаго Гавриила Милорадовича, что онъ, полковникъ, когда я, дослуживши года, сталъ упоминатися своей заслужинны и сталъ требовать по полку для снабженія збору унѣверсала, и онъ, г. полковникъ, порадовавшись моему худопахолству, потолъ письма не далъ и писареву писать не велѣлъ, поколь не поступилъ я ему, г. полковнику, рублей десять денегъ... Подпись:

Складывавшіеся во второй половинѣ XVII вѣка судебные порядки не могли однакожъ повести за собою какихъ-либо опредѣленныхъ формъ, потому что этому постоянно мѣшала произволъ старшины, достигшій при Скоропадскомъ наибольшаго своего развитія. При такихъ полковникахъ, какими были Марковичъ, Михайло Милорадовичъ, Василій Танскій, Антонъ Галаганъ, правосудію не было мѣста въ ихъ полкахъ, потому что они всю общественную жизнь своихъ полчанъ подчинили своему личному произволу. Другіе полковники этого времени были не лучше. Наконецъ, генеральный судья Чарнышъ, который занялъ урядъ судьи въ 1715 году и оставался имъ во все остальное время гетманства Скоропадскаго, прославился своимъ взяточничествомъ, причѣмъ «наклады», которые онъ бралъ, иногда достигали тысячъ ¹⁾... Президентъ открытой въ 1722 году въ Глуховѣ Коллегіи Вельяминовъ въ числѣ первыхъ своихъ распоряженій прислалъ въ генеральную канцелярію указъ—«о неупотребленіи въ частныя работы казаковъ и о невзиманіи у нихъ накладовъ, когда они къ суду являются». Наказный гетманъ Полуботокъ хорошо зналъ это большое мѣсто въ тогдашнихъ судахъ и, желая по возможности устранить тѣ причины, которыя должны были давать Вельяминову поводъ для вмѣшательства во внутреннее управленіе края, задумалъ привести хотя въ какой-нибудь порядокъ и судебную часть въ гетманщинѣ. Въ разосланномъ по этому случаю въ полки универсалѣ предписывалось, чтобы тяжёбныя дѣла судья судилъ не самолично, но съ участіемъ и «безурядовыхъ» (собственно—незанимающихъ урядовъ, причѣмъ имѣлись въ виду конечно такъ звавшіеся «защныя персоны»), только бы честныхъ и разумныхъ людей, которыхъ нарочно къ тому опредѣлить нужно, и чтобы тѣ дѣла рѣшались такимъ судомъ совмѣстно, совѣстно и по правдѣ, какъ требуетъ законъ

„Я, Ярошъ, мистръ полку Гадяцкаго, своею рукою крестъ полагаю“. Тамъ же, № 754.—Въ 1719 году, какая-то баба изъ села Обмочева доносила гетману, что Новомлинскій сотникъ „строить“ противъ него какія-то чары; бабу призвали въ Батуринъ, гдѣ и было поручено „писарю судовъ енеральныхъ“ Булавкѣ произвести слѣдствіе; для предвидѣвшейся пытки вызванъ былъ „мистръ“ изъ Нѣжина, съ помощью котораго „пробовали, привязавши (бабу) до столпа, шиною горячею, гдѣ два торги (базарные дни) такъ пробовали и розыскивали“. Тамъ же, № 347. Больше легкая пытка была „канчуковая“ (канчукъ—плеть, нагайка).

1) Погарскій сотникъ Галецкій жаловался гетману Апостолу, что Чарнышъ, „при расправѣ дѣла его въ генеральномъ судѣ съ погарцами, насильно добралъ у него многія взятки: златоглавами, поясами дорогими, конми и прочимъ, на тысячъ шесть съ лишкомъ, а суду справедливого не далъ“. Арх. ген. канц., № 760.—Въ 1724 г., послѣ того какъ Чарнышъ былъ арестованъ въ С.-Петербургѣ, генеральная канцелярія донесла Малороссійской коллегіи, что Чарнышъ „въ оную канцелярію прислалъ серебряную кружку да нѣсколько шнуровъ перелъ да зо два портища матеріи, 100 рублей денегъ, которые взялъ было себѣ въ накладъ отъ Лукьяна и Тимофея Силенковъ въ ту пору, когда судилъ ихъ съ Петромъ Валькевичемъ“. Тамъ же, № 1366. По этимъ двумъ примѣрамъ видно, въ какихъ размѣрахъ Чарнышъ пользовался „накладами“.

и необходимость, безъ всякаго пристрастія и безъ вымогательствъ, никому не норовя, ни на кого не посягая. Такимъ же порядкомъ должны судить урядники и по сотеннымъ городкамъ и въ особенности по селамъ, гдѣ, какъ слышно, атаманы и войты, стоя у дверей шинка (*«въ шинковѣ дворахъ при пѣтицѣхъ»*), судятъ и на всякаго шею напиваютъ. Нужно установить, чтобы и въ селахъ тяжбы разбирались въ пристойныхъ мѣстахъ и не пьянымъ, а трезвымъ умомъ, шинковые же суды слѣдуетъ искоренить, о чемъ строго наблюдать подѣ опасеніемъ строгой кары. А когда кто сельскимъ или сотеннымъ судомъ будетъ недоволенъ, тотъ долженъ жаловаться въ судъ полковой, а на полковой судъ—въ генеральный судъ; и тогда приказано будетъ судьями, которые судили того апеллянта, выдать послѣднему свое рѣшеніе на письмѣ, съ описью всей sprawy и контроверсій обѣихъ сторонъ¹⁾. Изъ этого универсала видно, въ какомъ незавидномъ положеніи находилось отправленіе правосудія въ гетманщинѣ въ моментъ смерти Скоропадскаго. Особенно печально было положеніе правосудія въ томъ отношеніи, что высшая апелляціонная инстанція—генеральный судъ—находилась въ вѣдѣніи одного человѣка, который къ тому же не имѣлъ къ себѣ никакого довѣрія. Желая хотя сколько нибудь обезпечить правосудіе въ генеральномъ судѣ, Полуботокъ ввелъ въ составъ послѣдняго четырехъ второстепенныхъ членовъ («ассесоровъ»), чтобы дать суду возможность избавиться по крайней мѣрѣ отъ нареканій на безмѣрную волокиту, такъ какъ генеральный судья часто уѣзжалъ въ свои маестности, оставался тамъ по долгу, и въ это время совершеніе правосудія совершенно прекращалось. „Ассесоры“ назначались изъ числа бунчуковыхъ товарищей, и притомъ изъ учившихся²⁾. Придуманная Полуботкомъ мѣра для поднятія значенія генеральнаго суда вѣроятно имѣла бы положительные результаты, но когда Полуботка судили въ Петербургѣ, то учрежденіе «ассесоровъ» поставлено было ему въ вину, какъ примѣръ самовластия, а вслѣдъ за тѣмъ ассесоровъ и не стало въ генеральномъ судѣ. При поставленіи Апостола гетманомъ, когда составлены были для него «рѣшительные пункты», то тутъ же затронуто было и устройство генеральнаго суда, причемъ послѣдній долженъ былъ состоять изъ шести членовъ (по три изъ великороссіянъ и малороссіянъ). Гетманъ считался «президентомъ» генеральнаго суда. Въмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ состава генеральнаго суда была издана въ 1730 году, отъ имени гетмана, подробная инструкция для другихъ судебныхъ инстанцій. При этомъ инструкция устанавливала, что въ полковомъ судѣ должна участвовать вся полковая старшина и, кромѣ того, «значковое товарищество»; по дѣламъ «криминальнымъ» и вообще по дѣламъ «значнымъ» инструкция

¹⁾ Русск. Арх. 1880 г. I, 151. См. также Чтенія въ Общ. Нестора Лѣт., XII, отд. 3-е, стр. 94—95.

²⁾ Тамъ же, 152. „Ассесоровъ“ Полуботокъ заимствовалъ изъ статутаго судоустройства. См. Sądowy process W. Xstwa Litewsk. (Grodno, 1781), стр. 78.

требовала, чтобы въ судѣ присутствовалъ «самъ полковникъ купно со всею старшиною». Эта же инструкция 1730 года установила опредѣленные правила для судовъ сельскихъ и сотенныхъ, причемъ указывалось между прочимъ, что «по поселямъ, на судѣ сходитися велѣтъ къ атаману или войту не въ шинковѣ дома».... Та же инструкция преподавала и нѣкоторыя общія правила относительно судейскихъ обязанностей, о сущности которыхъ гетманскій урядъ значить находилъ нужнымъ напомнить судьямъ. Здѣсь между прочимъ говорилось, чтобы «судья», кромѣ природнаго добронравія, быть «совѣстенъ, уменъ, въ писаніи искусенъ, правѣ знающій, чтобы не званіемъ только, но и вѣщью можно было такового почитать за судью».... Такимъ образомъ при Апостолѣ произведено было значительное обновленіе судебныхъ инстанцій, выразившееся главнымъ образомъ въ увеличеніи состава судей. Трудно сказать, какіе результаты оказала «инструкция» 1730 года на суды сельскіе и сотенные; вѣроятно для нихъ она осталась мертвою буквою, потому что некому было надзирать за исполненіемъ новыхъ указаній. Но полковой и генеральный суды начали функціонировать въ новомъ, увеличенномъ составѣ. Передъ нами книга рѣшеній Полтавскаго полкового суда за четыре года (1747—1750), изъ которой видно, что дѣла разрѣшались коллегіей, состоявшей изъ полковой старшины: судьи Григорія Сахновскаго, писаря Григорія Багинскаго, есаула Ивана Сулимы и двухъ хоружихъ Василія Магденка и Максима Лаврентьева, причемъ часто въ составъ коллегіи входилъ и самъ полковникъ Андрей Горленко. Изъ сихъ же рѣшеній видно, что уголовныя дѣла въ полковомъ судѣ начинались большею частью по донесеніямъ сотенныхъ урядовъ, въ которыхъ излагалась жалоба потерпѣвшихъ и свѣдѣнія о томъ—задержаны ли обвиняемые. Гражданскія дѣла возникали по жалобамъ, которыя подавались большею частью полковнику, а послѣдній передавалъ ихъ въ судъ, чрезъ полковую канцелярію, при своемъ указѣ. Относительно другихъ полковыхъ судовъ мы видимъ, напр., что судейская коллегія Стародубскаго полкового суда того же времени, кромѣ полковой старшины, пополняется еще и двумя «ассесорами» изъ «войскового товариства». Такимъ образомъ рѣшеніе Стародубскаго полкового суда 1730 года подписали: обозный Аф. Есимонтовскій, судья Ханенко, хоружій Степанъ Якимовичъ, войскового товарищъ Степанъ Косовичъ и ассесоръ Степанъ Старосельскій, а въ 1734 году составъ того же суда былъ таковъ: судья Ханенко, писарь Юркевичъ, ассесоры Иванъ Данченко и Дан. Зѣневичъ, Степанъ Косачъ (безъ обозначенія должности) и канцеляристъ Дан. Короткевичъ.—Обращаясь къ составу коллегіи генеральнаго суда, мы видимъ, что рѣшенія послѣдняго въ 1735 году подписываютъ: кн. Андрей Барятинскій, Иванъ Сенявинъ, Богданъ Пассекъ, Яковъ Лизогубъ (генеральный обозный), Михайло Забѣда и Иванъ Бороздна (генеральные судьи) и Якимъ Горленко (генеральный хоружій) и наконецъ писарь суда, извѣстный дѣлецъ Дамьянъ Оболонскій. «Криминальныя

дѣла» въ генеральномъ судѣ начинались въ это время по сообщеніямъ тогдашняго «правителя» кн. Шаховскаго, а гражданскія по донесеніямъ полковыхъ судовъ или по апелліаціямъ. По «криминальнымъ дѣламъ» генеральный судъ, въ случаѣ назначенія преступнику смертной казни, рѣшеніе свое («мѣненіе»), представлялъ «правителю» «для разсмотрѣнія и крайняго рѣшенія». Такія представленія «правитель» разрѣшалъ совмѣстно съ присутствующими членами генеральной войсковой канцеляріи и постановлялъ окончательныя рѣшенія. Членами генеральной канцеляріи въ 1735 году были: кн. Андрей Бяратинскій (одновременно засѣдавшій и въ генеральномъ судѣ), Василій Гурьевъ, Андрей Марковичъ (генеральный подскарбій) и Федоръ Мисенко (генеральный есаулъ) и наконецъ генеральный писарь Турковский. Съ этого только времени генеральная канцелярія становится судебной инстанціей, какъ это подтверждаетъ и Чуйкевичъ (см. ниже), а не раньше, какъ говоритъ г. Миллеръ, основываясь, повидимому, на «Словарѣ» Ломиковскаго. Но и генеральная канцелярія не сдѣлалась высшей инстанціей, такъ какъ и на ея рѣшенія стали подавать жалобы и жалобы эти направлялись въ сенатъ ¹⁾. Главный результатъ тѣхъ измѣненій, которыя были произведены въ судахъ при Апостолѣ, заключался въ томъ, что въ роль судей была поставлена вся старшина, какъ полковая, такъ и генеральная. Такимъ образомъ судъ окончательно смѣшался съ администраціей, причемъ конечно тотъ идеалъ судьи, о которомъ распространялась «инструкція» Апостола, осуществиться не могъ, такъ какъ нельзя же было требовать отъ какого-нибудь полуграмотнаго полкового есаула или хоружаго знанія «права». Недостатки такого положенія судовъ, повидимому, хорошо сознавали тогдашніе образованные юристы, какъ это видно изъ написаннаго въ 1750 году разсужденія Федора Чуйкевича подъ названіемъ «Судъ и расправа въ правахъ малороссійскихъ» ²⁾. Указывая на недостатки прежнихъ судовъ («ибо за скудостію грамотныхъ людей были на чинахъ судейскихъ и неграмотные, якъ видно изъ подписовъ на статтяхъ по гетманѣ Б. Хмельницкомъ бывшихъ гетмановъ»), Чуйкевичъ говоритъ, что при гетманѣ Разумовскомъ имѣются «многочисленные компуты ученыхъ и грамотныхъ чиновъ», вслѣдствіе чего является полная возможность «въ полкахъ малороссійскихъ учредить суды земскіе, особо отъ судовъ городскихъ, въ препорцію дистанцій и мѣстъ, чтобъ больше 50 верстъ судъ земскій не разстоялъ отъ подсудныхъ своихъ жительство»... За симъ Чуйкевичъ рисуеъ картину судовъ, независимыхъ отъ администраціи, въ томъ ихъ видѣ, какъ они существовали прежде, указывая въ то же время на недостатки судовъ существу-

¹⁾ Записки Черниг. Стат. Комит., II, 129.

²⁾ Объ этомъ сочиненіи краткое извѣстіе имѣется въ книгѣ Кистяковскаго— „Права“, стр. 88 и 98. У г. Миллера приведены и выдержки изъ этого сочиненія (стр. 29), но безъ имени автора, которое, повидимому, г. Миллеру неизвѣстно, хотя

ющихъ. Тутъ же Чуйкевичъ предлагаетъ измѣнить составъ и генеральнаго суда («за силу правъ малороссійскихъ надлежить суду генеральному отправляемому быть одъ депутатовъ изъ 10 полковъ по одной персонѣ выбираемыхъ»)... Реформированные суды, по мнѣнію Чуйкевича, «пресѣкутъ всю волокиту непотребную и за многимъ урономъ досадную и разорительную». Указывая на эту волокиту, Чуйкевичъ говоритъ: «еще жъ и на судъ генеральный апелляція въ генеральную канцелярію *послѣ смерти гетмана Апостола начала быть*, а на канцелярію генеральную въ правительствующій сенатъ, съ прѣмною малороссіянамъ въ С.-Петербургѣ волокитою, чего въ Малой Россіи отъ 1654 по 1734 годъ не бывало»... Къ этому слѣдуетъ добавить, что авторъ разсужденія «Судъ и расправа» былъ сынъ хорошаго «латинщика» Александра Чуйкевича, долгое время занимавшаго, въ концѣ XVII вѣка, урядъ полтавскаго полкового писаря, да и самъ былъ «реентомъ» генеральнаго суда (т. е. помощникомъ писаря); слѣдовательно мнѣніе Чуйкевича о недостаткахъ современныхъ ему судовъ было мнѣніе челоуѣка, стоявшаго у самаго дѣла, о которомъ говорилъ. Весьма вѣроятно, что подвліяніемъ разсужденія Чуйкевича (посвященнаго Разумовскому) гетманъ и произвелъ ту реформу генеральнаго суда, которая выразилась (по универсалу 17 ноября 1760 года) въ пополненіи судейской коллегіи выборными депутатами отъ полковъ. «Положено было, говорить г. Миллеръ, приблизить генеральный судъ къ типу существовавшаго за поляковъ трибунала, гдѣ дѣла рѣшались депутатами, выбранными отъ воеводствъ. Моментъ этотъ, продолжаетъ авторъ, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи малорусскаго судоустройства, какъ и въ исторіи общественнаго сознанія гетманцевъ. *Къ сожалѣнію, останавливаться надъ нимъ не входитъ въ предѣлы нашей задачи*»... Для насъ неясна подчеркнутая нами фраза. Дѣло въ томъ, что судебная реформа 1763 года есть результатъ того «общественнаго самосознанія гетманцевъ», которое прежде чѣмъ пришло къ реформѣ 1763 года, дѣлало разныя попытки улучшить свое судоустройство. Выясненіе этихъ попытокъ составляетъ одну изъ задачъ г. Миллера, такъ какъ они входятъ въ исторію реформы 1763 года. Не можетъ не входить слѣдовательно и универсалъ 17 ноября 1760 года, надъ которымъ г. Миллеръ не желаетъ останавливаться. Реформа 1763 г. была лишь дальнѣйшимъ развитіемъ раньше выраженныхъ желаній тогдашняго общества, почему выраженіе этихъ желаній и требуетъ обслѣдованія.

Переходя къ разсказу объ этой реформѣ, г. Миллеръ подводитъ итоги историческаго значенія судовъ казацкихъ и говоритъ, что послѣдніе «выработались самою жизнью, естественными потребностями самого народа, безъ всякихъ искусственныхъ, не изъ народа выходящихъ регламентаций; и это судоустройство могло удовлетворять народъ до тѣхъ поръ, пока оно оставалось народнымъ, пока самъ народъ участвовалъ въ его созданіи, пока онъ принималъ активное участіе въ отправленіи правосу-

дія, пока, наконецъ, народъ и его судьи смотрѣли на жизнь одними и тѣми же глазами... Съ удаленіемъ съ судебной арены народа, создавшаго малорусское судоустройство, обнаружились и несовершенства этого судоустройства. Выработанный казачиной строй былъ слишкомъ примитивно простъ и, можно сказать, годился скорѣе для военного табора, чѣмъ для сложной гражданской жизни... Далѣе авторъ говорить, что при наличности условій казацкаго суда судъ скорый и правый былъ невозможенъ. Намъ кажется, что тотъ судъ, который существовалъ въ Малороссіи во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, никакъ нельзя называть народнымъ по одному тому, что устроенъ онъ былъ искусственно и что нормами правосудія для него указаны были кодексы, мало понятные не только для массы, но и для самихъ судей. При этомъ «казацкій» судъ, въ которомъ судьями явились лица изъ казацкой старшины, былъ все-таки остаткомъ судовъ прежнихъ, статutowыхъ, потому что нормы правосудія въ немъ оставались прежнія, и лишь одно судоустройство сложилось «слишкомъ примитивно» только въ силу извѣстныхъ историческихъ событій, потребовавшихъ быстрого измѣненія прежнихъ формы. Народнымъ казацкій судъ не былъ и потому, что онъ не удовлетворялъ ни народъ, ни образованное общество. Послѣднее стало относиться отрицательно къ этому суду уже въ началѣ XVIII вѣка. А затѣмъ съ дальнѣйшимъ распространеніемъ образованія, это общество стало настоятельно требовать измѣненія судоустройства. Случилось такъ, что послѣ суровой ферулы «правителей», продолжавшейся около пятнадцати лѣтъ (1734—1750), въ край неожиданно явилась власть *своя* и притомъ вполне расположенная къ удовлетворенію тѣхъ общественныхъ нуждъ, о которыхъ слышались заявленія. Общество воспользовалось этою счастливою случайностью и стало громко заявлять о необходимости реформы въ устройствѣ суда. Какіе же идеалы были у этого общества относительно новаго судоустройства?—Кажется, что тутъ и выбора не могло быть: близко знакомый этому обществу литовскій статутъ предлагалъ готовые формы, а создавать какія либо иныя, новыя формы тогдашнему обществу было не подъ силу... Г. Миллеръ обстоятельно разсказалъ, какъ случайно явилась на практикѣ форма одного изъ видовъ статutowыхъ судовъ (стр. 31). Этотъ случай указываетъ, что малорусское образованное общество, заявивъ общее желаніе объ измѣненіи судоустройства, при первомъ представившемся ему случаѣ обратилось къ той формѣ межеваго суда, на который ему указывала исторія. Та же исторія подсказывала лѣвобережной Малороссіи форму и другихъ судовъ, которые когда-то существовали если не въ ней, то въ ея метрополіи, т. е. въ правобережной Малороссіи. Учрежденіе статutowыхъ судовъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, по мнѣнію г. Миллера, «явилось осуществленіемъ вождѣльных для украинскихъ пановъ прежнихъ порядковъ» (стр. 38), когда въ рукахъ благороднаго сословія была сосредоточена *вся власть управленія*. Едва ли исторія

дасть основаніе для обвиненія малорусской старшины въ какой либо опредѣленной тенденціи при учрежденіи статutowыхъ судовъ. Никакихъ особыхъ правъ эта старшина отъ учрежденія послѣднихъ не получала. Всѣ тѣ привилегіи, которыя она забрала въ свои руки во время гетманщины, отъ учрежденія статutowыхъ судовъ не увеличивались. Какъ въ казацкихъ, такъ и въ статutowыхъ судахъ старшина занимала первенствующее положеніе въ силу своего образованія и богатства, приче́мъ и то и другое было приоб́рѣтено уже раньше. Дѣйствительно статutowые суды какъ бы узаконивали за старшиною званіе *цалхаты* и такимъ образомъ обозначили ея обособленіе отъ народа; но при этомъ нормы того права, которымъ руководствовались казацкіе суды, развѣ давали народу какое либо другое положеніе, кромѣ прини́женнаго? Въ этомъ же самомъ положеніи народъ (собственно часть его) остался и при установленіи въ лѣвобережной Малороссіи статutowыхъ судовъ. Создавать въ половинѣ XVIII в. какую либо другую форму суда, съ демократическими тенденціями, нельзя было уже и потому, что тогда не было и носителей такихъ тенденцій, хотя бы и въ зачаточной ихъ формѣ. А между тѣмъ форма статutowыхъ судовъ во всякомъ случаѣ была значительнымъ шагомъ впередъ, потому что эта форма обособляла судъ отъ администраціи. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній намъ кажется, что установленіе статutowыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи, совершенное самимъ обществомъ, безъ какого либо участія со стороны правительства, можетъ указывать лишь на ту интеллектуальную силу этого общества, которая въ тѣ времена среди русскаго народа выражалась еще слабо.

Предисловіемъ къ разсказу о томъ процессѣ, при которомъ совершилось учрежденіе статutowыхъ судовъ, служить разсказъ г. Миллера о знаменитомъ съѣздѣ малорусской интеллигенціи въ Глуховѣ, осенью въ 1763 году, и о рѣчахъ, тамъ произнесенныхъ. Авторъ подробно разсказываетъ о составѣ и настроеніи участниковъ съѣзда, приче́мъ говоритъ, что «старина манила ихъ (участниковъ) призракомъ политической независимости, гражданской свободы, широкихъ правъ и привилегій. Нѣтъ нужды, что эта свобода зиждилась на порабощеніи хлѣбороба-селянина: до понятія объ одинаковой для всѣхъ классовъ общества свободѣ украинскіе интелегенты еще не дошли, да и можно ли было требовать такого понятія отъ людей, жившихъ въ вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма?» Этимъ восклицаніемъ авторъ самъ объясняетъ причину—почему «отъ рядового казачества, мѣщанства, духовенства, а тѣмъ паче посольства на этой «генеральной радѣ» не было ни одного человѣка». На этой радѣ, въ числѣ прочихъ деизидератъ, высказано было общее желаніе объ учрежденіи и другихъ статutowыхъ судовъ кромѣ тогда уже дѣйствовавшего подкоморскаго. Разъ была признана необходимость открытія суда подкоморскаго, вѣдавашаго земельные споры, естественно было идти далѣе и ходатайствовать объ открытіи судовъ земскаго и городскаго. Тутъ же,

на Глуховскомъ съѣздѣ, разработаны были и всѣ подробности касательно числа судовъ, ихъ состава и порядка избранія судей. Рѣшено было, что въ судахъ земскомъ и подкоморскомъ будутъ судить выборные изъ числа казацкой старшины судьи, причемъ эта старшина уже настойчиво именуется шляхетствомъ. Для городскаго (уголовнаго) суда постановлено было особыхъ судей не выбирать, а оставить его въ вѣдѣніи прежней полковой старшины, съ полковникомъ во главѣ. Мотивы такого невниманія къ суду уголовному со стороны Глуховскаго съѣзда не были объяснены. Объ утвержденіи предложенной реформы было представлено высшему правительству, но прежде чѣмъ получено было его утвержденіе, уже 19 ноября 1763 года обнародованъ былъ гетманскій универсалъ, въ которомъ, послѣ изложенія подробнаго плана учрежденія новыхъ судовъ, предписывалось планъ этотъ привести въ дѣйствіе. Г. Миллеръ не объясняетъ этой поспѣшности со стороны гетмана въ распоряженіи о приведеніи въ дѣйствіе предложенной реформы безъ разрѣшенія высшей власти. Слѣдуетъ думать, что въ С.-Петербургѣ затруднялись категорическимъ разрѣшеніемъ предложенной реформы, но что гетману дано было негласное разрѣшеніе на приведеніе ея въ дѣйствіе, такъ какъ своимъ отказомъ правительство, можетъ быть, не желало возбуждать и раздражать то общество, для котораго въ этотъ моментъ готовилась коренная реформа въ управленіи, состоявшая въ уничтоженіи гетманства. Новые суды утверждены были правительствомъ позже и при томъ въ томъ самомъ указѣ, которымъ уничтожалось гетманство... Въ началѣ 1764 года въ Малороссіи было учреждено 20 повѣтовъ, а въ маѣ мѣсяцѣ того же года уже утверждены были гетманомъ и выборные чины судовъ ¹⁾: подкоморіе, судьи, подсудки и писари. Изъ персонала новыхъ судей видно, что его составилъ цвѣтъ тогдашняго малорусскаго общества ²⁾: всѣ богачи—бунчуковые товарищи согласились принять должности судей, кто познатіѣ—въ подкоморскихъ судахъ, а другіе—въ земскихъ. Контингентъ подсудковъ набранъ былъ изъ войсковыхъ товарищей, а писарей—главнымъ образомъ, изъ канцеляристовъ полковыхъ судовъ. Видно, что статутные суды были учрежденіемъ очень популярнымъ, хотя, разумѣется, привлекательно было и то шляхетство, которое неразрывно связывалось съ званіемъ новыхъ судей...

Г. Миллеръ представляетъ подробныя свѣдѣнія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ и съ какими затрудненіями устраивались новые суды, причемъ прежде всего видно полное равнодушіе со стороны глуховскихъ властей къ просьбамъ и представленіямъ новыхъ судовъ о помощи при устройствѣ самой необходимой ихъ обстановки. При Разумовскомъ осу-

¹⁾ Кромѣ Полтавскаго.

²⁾ См. прилож. XII. Въ этомъ списокѣ, составленномъ 7 мая 1764 года, не показаны черниговскіе судьи, которые были утверждены только 22 мая.

шествованіе реформы было только начато; произведены были выборы судей и ихъ помощниковъ; но внутреннее устройство судовъ происходило уже при Румянцевѣ, подъ наблюденіемъ генеральнаго суда, «яко главнаго надъ судамі мѣста». Со стороны Румянцева реформа не встрѣчала затрудненій, такъ какъ конечно съ его одобренія послѣдовало и утвержденіе ея въ указѣ 10 ноября 1764 года. Но не могъ быть Румянцевъ и сторонникомъ этой реформы, такъ какъ послѣдняя служила во всякомъ случаѣ къ обособленію отъ имперскихъ порядковъ края, который порученъ былъ ему въ управленіе. Поэтому, намъ кажется, Румянцевъ, если не мѣшалъ реформѣ, то и не помогалъ ей, имѣя въ виду, что Малороссіи вскорѣ должна была предстоять другая реформа, которая должна была служить не къ обособленію края отъ имперіи, а къ его слитію съ послѣдней... Въ этомъ слѣдуетъ видѣть причину того равнодушія, съ которымъ глуховскія власти смотрѣли на дальнѣйшее послѣ ихъ открытія устройство новыхъ судовъ (стр. 72 и друг.). Цѣлую главу (V-ю) г. Миллеръ посвятилъ разсказу о тѣхъ порядкахъ, которые заводились въ новыхъ судахъ послѣ ихъ открытія, причемъ представляетъ очерки значенія и обязанностей каждой изъ должностей новыхъ судей. Тутъ же находимъ свѣдѣнія и о положеніи городскаго суда, причемъ оказывается, что дѣла въ этихъ судахъ производились безъ всякихъ перемѣнъ противъ прежняго времени. Все это происходило потому, справедливо говорить г. Миллеръ, что «реформа 1763 года въ отношеніи городскихъ судовъ не была доведена до конца. Старому полковому суду дана была только новая кличка». Въ VI-й главѣ изложенъ очеркъ практики новыхъ судовъ при отправленіи правосудія. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе указаніе на тѣ затрудненія, которыя встрѣтили въ Малороссіи статутные порядки относительно установленныхъ сроковъ для разбора дѣлъ. Одинъ изъ судовъ хлопоталъ, напр., о томъ, чтобы въ подеудныхъ ему сотняхъ «учинить публикаціи съ протолкованіемъ народу», въ какіе сроки можно являться въ земскій судъ для подачи жалобъ. Глуховскія власти видѣли, что судъ правъ, требуя установленія порядковъ, указанныхъ въ законѣ, но въ то же время и стѣснялись, что эти порядки «мѣшаютъ подаваемымъ жалобамъ произвожденіе чинить съ возможною скоростью». Однакожъ, въ концѣ концовъ и глуховскія власти согласились, что «въ содержаніи правовыхъ роковъ для судовыхъ расправъ нужно поступать во всемъ на основаніи малороссійскихъ правъ». Но въ городскихъ судахъ такъ называемые «рочки» не соблюдались. Нерѣдко между новыми судами и старыми (преимущественно сотенными) происходили «пререканія о подеудности», причемъ сотники, не желая выпустить изъ своихъ рукъ тѣхъ доходовъ, которые они получали за судъ, не допускали казаковъ судиться въ земскихъ судахъ. Коллегія впрочемъ поддержала новые суды и вѣдѣнію сотенныхъ правленій были предоставлены только маловажныя словесныя расправы. Шестую главу г. Миллеръ заключаетъ

очеркомъ о подсудности «общественныхъ группъ» новымъ судамъ. Тутъ главный вопросъ заключался въ опредѣленіи надлежащаго суда для селянъ, т. е. казаковъ и крестьянъ. Послѣ долгихъ разсужденій, установлено было, что казаки должны судиться въ земскихъ судахъ (стр. 119), и такимъ образомъ послѣдніе были открыты для значительной части народа, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что руководители новыхъ судовъ, считавшіе себя уже несомнѣнною *шляхтою*, никакого препятствія для этого не дѣлали. Мѣщанство должно было судиться въ магистратахъ. Труднѣе былъ вопросъ о подсудности крестьянъ. На основаніи изученнаго архивнаго матеріала г. Миллеръ полагаетъ, что «крестьяне никогда въ земскихъ судахъ не судились, причемъ гражданскія дѣла свободного посольства судились въ ратушахъ, а имущественные интересы манскихъ подданныхъ защищать ихъ владѣлецъ». Мы присоединяемся къ мнѣнію г. Миллера, такъ какъ въ пересмотрѣнныхъ нами спискахъ рѣшенныхъ дѣлъ въ Батуринскомъ земскомъ судѣ за нѣсколько *лѣтъ* ни одного дѣла, въ которомъ стороною былъ бы крестьянинъ или мѣщанинъ, мы не встрѣтили. Опредѣляя родъ дѣлъ, подсудныхъ земскимъ и городскимъ судамъ, г. Миллеръ указываетъ, что хотя «речи кровавыя» подлежали неперемѣнному вѣдѣнію городскихъ судовъ, но было и исключеніе: въ Глуховскомъ земскомъ судѣ на ряду съ земскими дѣлами вѣдались и городскія. — «Почему было такъ — не знаемъ», говоритъ г. Миллеръ. — Разсмотрѣніе глуховскихъ уголовныхъ дѣлъ Глуховскимъ земскимъ судомъ слѣдуетъ объяснить практикой сего суда, возникшей вслѣдствіе дальности отъ Глухова городского суда, находившагося въ Нѣжинѣ. Уже въ маѣ 1764 года глуховскій земскій судья, Сергій Дергунъ, представляя генеральному суду о разныхъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ имъ послѣ открытія суда, писалъ: «хотя по артикулу 30 розд. 4 о подданныхъ и слугахъ бѣглыхъ отдано на волю челобитчикамъ: въ судъ ли земскій или городской позывать, однако челобитчики, объявляя, что *по далекости отсель до Нѣжина*, гдѣ городской судъ, лучшую они имѣютъ способность тутъ въ Глуховѣ, нежели тамо...»¹⁾ А за симъ Дергунъ спрашивалъ — какъ быть? — Очень вѣроятно, что генеральный судъ нашелъ возможнымъ сдѣлать для Глухова исключеніе, которое потомъ обобщилось, и Глуховскій земскій судъ сталъ судить и дѣла подсудныя городскому суду. При этомъ слѣдуетъ добавить, что Сергій Дергунъ былъ извѣстный дѣлецъ своего времени, мнѣніе котораго уважалось не только въ генеральномъ судѣ, но и въ самой коллегіи.

Въ VII-й главѣ г. Миллеръ представляетъ обзоръ «законовъ», которыми руководились новые суды, причемъ называетъ: Литовскій Статутъ, Порядокъ, Права Цесарскія и Магдебургскія, Саксонъ и общерусскія узаконенія XVIII столѣтія. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что реформа 1763 года касалась только лишь судоустройства. Правовые же

¹⁾ Изъ бумагъ нашей бібліотеки.

законы въ статutowыхъ судахъ остались тѣ самыя, которыми пользовались и прежніе суды. Обозрѣвая въ первой главѣ своей монографіи судопроизводство въ старыхъ малорусскихъ судахъ, г. Миллеръ не касался вопроса о законахъ, которыми руководились эти старые суды, и это — очень жаль. Не говоря уже о томъ, что очеркъ «казацкихъ» судовъ безъ указанія на тѣ кодексы, которыми они пользовались, остался не полнымъ, разсмотрѣніе вопроса о примѣненіи правовыхъ нормъ въ новыхъ судахъ не можетъ быть полнымъ безъ знакомства съ дѣятельностью въ этой области старыхъ судовъ. Новые суды, примѣняя въ своихъ рѣшеніяхъ правовыя нормы литовскаго статута и другихъ кодексовъ, несомнѣнно пользовались уже прежнею и, можно сказать, богатою практикою, но въ чемъ при этомъ новые суды различествовали отъ старыхъ — объ этомъ въ монографіи г. Миллера свидѣній нѣтъ, поэтому нѣтъ въ его монографіи и матеріала для заключенія о дѣятельности новыхъ судовъ по вопросу о примѣненіи законовъ права. Сказавъ, что единственнымъ кодексомъ, который указанъ былъ для пользованія новымъ судамъ, былъ литовскій статутъ, г. Миллеръ говоритъ, что изъ имѣющихся въ рѣшеніяхъ сихъ судовъ выписокъ изъ статута видно, что суды пользовались не одною какою либо редакціею статута, а по крайней мѣрѣ двумя. Упомянувъ о прежнихъ мнѣніяхъ по этому вопросу Баршевскаго и Кистяковскаго, г. Миллеръ полагаетъ, «что въ правительственныхъ учрежденіяхъ Малороссіи были въ ходу самыя разнообразныя редакціи статута; въ иныхъ попадался печатный польскій, въ другихъ — можетъ быть и печатный мамоничевскій, а во всѣхъ вообще — рукописный въ разныхъ редакціяхъ, прототипомъ коихъ служили, конечно, редакціи мамоничевская и польская». Болѣе полное заключеніе могло послѣдовать конечно лишь съ помощью рѣшеній прежнихъ судовъ, начиная съ XVII вѣка, такъ такъ и въ сихъ рѣшеніяхъ нерѣдко встрѣчаются выписки изъ литовскаго статута. Покойный Кистяковскій полагаетъ: 1) что литовскій статутъ мамоничевскаго изданія въ Малороссіи XVIII вѣка былъ мало распространенъ и что, вѣроятно, Малороссія перешла подъ власть Россіи уже съ весьма распространенными изданіями литовскаго статута польской редакціи, вытѣснявшими статутъ мамоничевскаго изданія, и 2) что около половины XVIII вѣка литовскій статутъ польской редакціи былъ вытѣсненъ и замѣненъ употребленіемъ литовскаго статута, переведеннаго съ польскаго, причемъ можно думать, что этотъ переводъ есть тотъ самый, который сдѣланъ былъ комиссіею съ цѣлью составленія «Свода» (стр. 53—54).

Несомнѣнно, что малорусскіе суды пользовались какъ русскимъ текстомъ мамоничевскаго изданія, такъ и польскими изданіями. Но мамоничевское изданіе (печатное) было рѣдко, должно быть, уже и въ XVII вѣкѣ, о чемъ можно заключить изъ того, что экземпляры его находятся въ старыхъ «панскихъ» усадьбахъ, какъ величайшая рѣд-

кость ¹⁾. Приходилось поневоле пользоваться изданиями болѣе доступными, какими и были изданія польскія. Въ концѣ XVII вѣка полтавскимъ полковымъ писаремъ былъ Александръ Чуйкевичъ, человекъ очень замѣтный, какъ по многолѣтней своей службѣ на писарствѣ (1677—1690), такъ и по своимъ достаткамъ. Несомнѣнно, что такой человекъ могъ бы найти для своего ежечаснаго пользованія литовскій статутъ въ мамоничевскомъ изданіи, а между тѣмъ несомнѣнно, что онъ пользовался польскимъ изданіемъ 1648 года, такъ какъ экземпляръ въ этомъ изданіи (надписанный на всѣхъ концахъ книги: *ex libris* ²⁾ *Alexandri Czujkewicz*) былъ, повидимому, въ его постоянномъ обращеніи. Затѣмъ, мы знаемъ, что гетманъ Скоропадскій очень заботился о переводѣ польскаго текста литовскаго статута на русскій ³⁾; значить русскихъ изданій для общаго пользованія не было, а польскій языкъ знали только тѣ, кто учился въ «латинскихъ училищахъ». Въ виду такихъ данныхъ мнѣніе Кистяковского представляется едва ли подлежащимъ сомнѣнію, причемъ, конечно, въ употребленіи нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ могъ находиться литовскій статутъ въ мамоничевскомъ изданіи. За симъ г. Миллеръ говоритъ о примѣненіи новыми судами въ своихъ рѣшеніяхъ, кромѣ литовскаго статута, другихъ кодексовъ, называя при этомъ Порядокъ, Саксонъ, права Магдебургскія и Цесарскія, а также и высочайшіе указы XVIII столѣтія. На основаніи нѣсколькихъ рѣшеній, въ которыхъ цитируются указанныя «нѣмецкія права», г. Миллеръ дѣлаетъ заключеніе, что примѣненіе ихъ имѣло мѣсто (по встрѣченнымъ случаямъ) только въ дѣлахъ уголовныхъ, но что и здѣсь «нѣмецкія права» примѣнялись рѣдко. Говоря затѣмъ о примѣненіи новыми судами высочайшихъ указовъ, г. Миллеръ на основаніи тѣхъ же судебныхъ рѣшеній приходитъ къ заключенію, что означенные указы играли главную роль при опредѣленіи степени наказанія, причемъ указанное въ статутѣ вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, или его наслѣдниковъ, оставалось безъ измѣненія. Опредѣленіе мѣры наказанія не по статуту, а по указамъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка смертная казнь, которую литовскій статутъ назначалъ очень часто, уже почти не практиковалась. Кромѣ того, примѣненіе великорусскихъ законовъ требовалось при опредѣленіи мѣры наказанія за тѣ преступленія, о которыхъ литовскій статутъ еще не зналъ, напр. за безпаспортность.

¹⁾ Покойный Кистяковскій, собиравшій, чрезъ многочисленныхъ своихъ слушателей, всякіе экземпляры литовскаго статута, нашелъ только два экземпляра мамоничевского изданія, сохранившихся въ старыхъ «панскихъ» гнѣздахъ. Намъ вовсе не приходилось встрѣчать этого изданія въ частныхъ рукахъ въ Малороссіи.

²⁾ Долгое пользованіе этимъ экземпляромъ со стороны Чуйкевича видно изъ множества его замѣтокъ въ книгѣ и изъ добавленій изъ „Speculum Saxonum“. Экземпляръ Чуйкевича заключаетъ въ себѣ и „Trybunał“.

³⁾ Кіевск. Стар. 1887 г., № 4, 788.

Говоря о примѣненіи судами законовъ, г. Миллеръ имѣетъ въ виду почти исключительно уголовныя дѣла, между тѣмъ какъ не менѣе интересенъ вопросъ и о примѣненіи законовъ по дѣламъ гражданскимъ — насколько, напр., правовыя нормы литовскаго статута сохраняли свое значеніе въ концѣ XVIII вѣка.

Очень мало говорить г. Миллеръ о судопроизводствѣ въ новыхъ судахъ. Сколько намъ извѣстно, судопроизводство въ прежнихъ полковыхъ, напр., судахъ велось безъ всякихъ опредѣленныхъ формъ; земскіе суды старались точно исполнять формы гражданской процедуры по указанію литовскаго статута. Формы эти для конца XVIII вѣка были очень стары и во многомъ затруднительны; но на эту сторону вопроса воее не было обращено вниманія при учрежденіи статutowыхъ судовъ. Г. Миллеръ указываетъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчали суды для безволочитнаго производства дѣла (стр. 158—162), для устранения которыхъ требовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ сочиненіе новаго устава судопроизводства. Главное затрудненіе представляла «излишняя переписка», на которую обратили вниманіе сами суды въ первые же годы послѣ своего открытія ¹⁾. Затѣмъ слѣдовали злоупотребленія искусныхъ дѣльцовъ при примѣненіи архаическихъ формъ статutowаго судопроизводства. При этомъ г. Миллеръ представляетъ любопытные примѣры той «волокиты», которая скоро завелась и въ статutowыхъ судахъ.

Насколько же удовлетворили статutowые суды то общество, которое такъ заботилось объ ихъ учрежденіи?—Г. Миллеръ говоритъ: «на этотъ вопросъ, кажется намъ, можно дать отвѣтъ только утвердительный». Такой отвѣтъ даетъ почтенный изслѣдователь, основываясь на наказахъ, данныхъ шляхетствомъ своимъ депутатамъ при ихъ посылкѣ въ комиссію для составленія новаго уложенія. Но при этомъ шляхетство высказывалось общими мѣстами (заявленіе просьбъ о сохраненіи статута), на основаніи которыхъ трудно дѣлать то или другое заключеніе. Одно черниговское шляхетство подробно высказалось по вопросу о достоинствѣ новыхъ судовъ и пришло къ заключенію для нихъ неблагопріятному, «указывая на недостатки литовскаго статута, многія положенія котораго были противны естественному праву». Но какъ видно изъ монографіи г. Миллера, былъ другой недостатокъ у новыхъ судовъ, болѣе важный, заключавшійся въ медленности производства дѣлъ. Медленность зависѣла въ малой степени отъ тѣхъ постороннихъ порученій, которыя сплошь и рядомъ давались судьямъ новыхъ судовъ высшимъ начальствомъ, а главнымъ образомъ отъ лѣни судей, на каждомъ шагѣ уклонявшихся отъ присутствія въ судахъ (стр. 155), причемъ мѣры, которыя принимала

¹⁾ См. прилож. XIII, заключающее въ себѣ любопытное „представленіе“ Роменскому земскому суду писаря этого суда Савицкаго объ упрощеніи формъ гражданского процесса.

коллегія для устранения безпорядковъ по этой части, имѣли мало успѣха. По заключенію г. Миллера, новые суды далеки были отъ идеала медленностью своей процедуры, но процедура въ старыхъ судахъ была еще медленнѣе. Были ли новые суды при этомъ хотя свободны отъ лицепріятія и насколько практиковался въ нихъ подкупъ? На этотъ вопросъ г. Миллеръ даетъ отвѣтъ нерѣшительный, говоря, что находящійся въ его рукахъ матеріалъ не даетъ прямого отвѣта на вопросъ. Но слѣдуетъ думать, что при частомъ уклоненіи судей отъ исполненія судейскихъ обязанностей, фактическими судьями становились писари этихъ судовъ, изъ которыхъ большинство училось дѣлу въ тѣхъ старыхъ полковыхъ судахъ, гдѣ взяточничество, можно сказать, царило въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. У насъ подъ руками имѣется нѣсколько «реестровъ» тѣхъ взятокъ, которыя поднесены были судьямъ въ половинѣ XVIII вѣка то въ видѣ «талеровъ», то въ видѣ головъ «цукру». Едва ли можно сомнѣваться, что этими же средствами во множествѣ случаевъ ускорялось и направлялось правосудіе и въ статutowыхъ судахъ... Судьями въ нихъ были люди большею частью достаточные, а потому лѣнливые и неопытные, а за такихъ судей дѣло дѣлала судейская канцелярія...

«Упраздненіе статutowыхъ судовъ, говоритъ г. Миллеръ, прошло незамѣтно, не вызвавъ ни жалобъ, ни протестовъ». Къ этому можно добавить, что упраздненіе статutowыхъ судовъ въ 1782 году и замѣна ихъ другими—ни жалобъ, ни протестовъ не могло вызвать разъ, потому что Екатерининскіе суды сохранили для Малороссіи тотъ же самый литовскій статутъ, а кромѣ того и потому что малорусское шляхетство одновременно съ реформою 1782 года переименовалось въ дворянство... Для народа же измѣненіе одной формы не могло имѣть никакого значенія...

Г. Миллеръ не дѣлаетъ оцѣнки судебной реформы 1763 года, какъ историческаго факта, а между тѣмъ учрежденіе статutowыхъ судовъ было событіемъ настолько замѣтнымъ въ исторіи культурнаго развитія малорускаго общества XVIII вѣка, что сказать о томъ или другомъ его значенія изслѣдователь имѣлъ полное основаніе. Для этой оцѣнки слѣдовало бы поставить такой вопросъ: учрежденіе статutowыхъ судовъ въ 1763 г. было ли результатомъ только однихъ эгоистическихъ усилій тогдашней малорусской интеллигенціи, стремившейся не только фактически, но и юридически выдѣлиться изъ народа, или же—реформа судовъ 1763 года была послѣдствіемъ того общественнаго неудобства, которое испытывалъ весь край отъ первобытнаго устройства прежнихъ судовъ, гдѣ судьей бывалъ каждый полковой или сотенный урядникъ?—Слѣдуетъ думать, что въ половинѣ XVIII вѣка малорусская интеллигенція уже вполне понимала неудобство сліянія судебной и административной власти въ рукахъ полковника и его подчиненныхъ; что этому пониманію способствовалъ дѣйствовавшій тогда кодексъ, въ которомъ на ряду съ нормами права указывалось и судоустройство, при которомъ правосудіе должны были

отправлять особые судьи, нарочно для того выбранные; что въ то же время малорусская интеллигенція, она же и «войсковая старшина», мечтая объ учрежденіи статutowыхъ судовъ, не могла не имѣть въ виду и тѣхъ сословныхъ выгодъ, которыя она должна была получить вмѣстѣ съ званіемъ статutowыхъ судей, и что удовлетвореніе сословныхъ интересовъ старшины при учрежденіи статutowыхъ судовъ во всякомъ случаѣ отступало на второй планъ, такъ какъ правосудіемъ въ новыхъ судахъ получало возможность пользоваться все населеніе края, съ указанными въ статутѣ исключеніями. Если реформа судовъ 1763 года не была доведена до конца, если статutowое судопроизводство не было согласовано съ требованіями времени, то здѣсь виноваты прежде всего неблагоприятно сложившіяся для реформы обстоятельства. Начата она была при располагавшемъ широкими полномочіями гетманѣ, съ поддержкою котораго и явилась на свѣтъ, а продолжалась—почти съ самаго открытія судовъ—при главенствѣ въ краѣ императорскаго намѣстника, заботившагося о приготовленіи края къ введенію въ немъ другой реформы—учрежденію о губерніяхъ...

Исторія учрежденія въ Малороссіи въ 1763 году статutowыхъ судовъ давно уже требовала особаго изслѣдованія. Давъ такое изслѣдованіе, г. Миллеръ пополнилъ одинъ изъ значительныхъ пробѣловъ въ бытовой исторіи Малороссіи. Изслѣдованіе г. Миллера написано по источникамъ рукописнымъ, чѣмъ заслуга изслѣдователя только увеличивается. Конечно можно пожалѣть, что г. Миллеръ не нашелъ возможнымъ болѣе распространиться о «козацкихъ судахъ», чѣмъ это сдѣлано въ его монографіи такъ какъ при болѣе подробномъ изслѣдованіи состоянія прежнихъ судовъ и реформа 1763 года получила бы болѣе яркое освѣщеніе. Особенно жаль, что г. Миллеръ, говоря о прежнихъ судахъ, вовсе не коснулся вопроса о законахъ, въ нихъ дѣйствовавшихъ, такъ какъ безъ обзора сихъ законовъ его изслѣдованіе о примѣненіи новыми судами статута и другихъ кодексовъ—явилось какъ бы безъ начала. Но и при этихъ незначительныхъ пробѣлахъ монографія г. Миллера представляетъ собою изслѣдованіе, которое несомнѣнно составляетъ цѣнный вкладъ въ науку.

Сводя все сказанное объ обѣихъ монографіяхъ г. Миллера, слѣдуетъ • признать, что въ монографіи о дворянствѣ онъ впервые далъ обстоятельный разсказъ о юридическомъ превращеніи казацкой старшины въ русское дворянство, а вторая монографія г. Миллера представляетъ обстоятельную работу по вопросу, въ наукѣ до сего времени не обслѣдованному и давно уже требовавшему изученія. Обѣ монографіи г. Миллера указываютъ въ немъ изслѣдователя трудолюбиваго и точнаго, а эти качества позволяютъ надѣяться, что и въ будущемъ бытовая исторія Малороссіи имѣетъ право ожидать отъ г. Миллера новыхъ равнокачественныхъ трудовъ. По всѣмъ симъ основаніямъ я нахожу, что Д. П. Миллеръ вполне заслуживаетъ присужденія ему преміи.

А. Лазаревскій.